

ВАСЮГА

БОЛОТА

СОЗДАННАЯ ДЕМОНОМ

МАРИЯ КАРТАШЕВА

18+

Мария Карташева

**Созданная демоном. Книга
первая. Васюганские болота**

«Автор»

2022

Карташева М.

Созданная демоном. Книга первая. Васюганские болота /
М. Карташева — «Автор», 2022

Для узкого круга она та, кто ловит маньяков. Для широкой общественности — известная писательница. Единицы знают правду о ней. И только ей известно, что она умерла...

© Карташева М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Карташева

Созданная демоном. Книга первая. Васюганские болота

Предисловие

Открытая дверь продуваемого со всех сторон старого сарая, стоящего на краю деревни, болталась на ветру. Студёный ветер охапками носил внутрь снежные осколки, а скорые зимние сумерки чертили в близком лесу глубокие тени. Уже нужно было уходить, но он стоял не двигаясь. Крик жертвы давно напитал его слух, но теперь незнакомец жадно ждал, когда глаза – эти окна жизни – наконец перестанут светиться, останутся, зрачок дёрнется и навсегда потухнет.

А пока, развлекая себя, он следил, как тяжёлая, тугая капля волочет по лезвию ножа красный влажный след. Дойдя до края острия, она на секунду задержалась, потом перевалилась через кончик клинка и полетела вниз, на стянутую морозом корку земляного пола, и здесь кляксой разбилась, поймала последний луч умирающего за горизонтом солнца и стала такой же чёрной, как и всё пространство вокруг. Он тяжело вздохнул, поморщился и повернулся на выход, всё было кончено. Опять он отвлёкся на последний золотой росчерк дня, поставленный скброписью в глубине синих туч, а жертва издохла. Он так и не наслаждался этим мигом.

Ну ладно, сегодня без десерта, хотя можно было бы себя побаловать, ведь завтра предстояла тяжёлая работа: последний заказ в этой местности и, как назло, нужно было закрыть ритуалом жизнь человека. А этого он делать не любил. Гораздо интереснее выслеживать и убивать своих, кроить их существование по собственному лекалу, обрезать земные пути и отправлять непослушных стервецов в глубину неведомых человечеству миров.

Он тяжело шёл по глубокому снегу, на ходу обтирал руки о снежное полотно, докрасна тёр позаимствованное лицо и дышал открытым ртом, чтобы изнутри выветрить вонь жертвы, тот самый аромат, который был драгоценностью, когда он вставал на след. Но после того, как ритуал был завершён, он чувствовал запах гниения, слышал, как внутри умирающего тела останавливается движение, как стирается завеса аромата жизни...

– Чё, совсем как мы? – как-то пьяно дышала ему в ухо грудастая девица, нахально подсевшая в кабаке за столик.

– Ну да.

Он зачем-то вдруг рассказал ей о себе, своей работе и теперь, уставившись в зеркало бутылки, сидел раздосадованный. Девицу придётся убить. Прямо невезуха какая-то. Приехал в маленький городок приструнить разошедшуюся не на шутку «добрую ведунью», сделал работу и мог бы ехать. Так нет, повёлся на запах жареного мяса и зашёл в местную забегаловку: после ритуала всегда очень хотелось есть.

«Да», повторил он, но уже про себя. «Мы совсем как вы, точнее, вы как мы, но создатель дал вам только физическую оболочку, в остальном люди довольно бездарны, поэтому мне всегда жалко убивать незащитных существ, которых даже толковым соперником не назовёшь».

Вынырнув из своих мыслей, он наконец выбрался из чащобы, смешался с толпой, ввечеру бредущей на электричку, и поехал в город. Нужно было ещё поработать над дневниками и отдохнуть.

Глава 1

«Вещи, созданные Мастером, несут в себе отпечаток энергии. Способность её увидеть порождает истинное знание. Мастер аккумулирует собранную энергию в искусстве созидания и эволюции своего ремесла. Божий промысел выделяет из толпы подходящих людей, идущих в одном направлении. Как бы дополняющих друг друга. Каждый человек составляет ту совершенную модель, созданную Мастером, в котором есть искра энергии и если человеку удастся её рассмотреть за защитным слоем эмоций, чувств, то он на пути к подлинному величию и истинному мастерству отношений. Усилие одной лишь воли, скорее всего, не принесёт положительного результата, потому что знание рождается изнутри, хотя кто-то, возможно, через усилие идёт к Знанию и получает результат в том или ином виде. У Бердяева написано, что выстраданный опыт остаётся с нами навсегда, но с нами остаётся любой опыт, начиная с опыта рождения. Результат – не всегда истина. Цель, Знание, да и сам путь, на котором стоят метки правильности направления – есть движение вперёд. Любая созданная вещь – прежде всего пережитый опыт знаний, опыт жизни, опыт внутренних и внешних влияний в интерпретации сознания индивидуума. Работа духа подразумевает под собой не только открытость Знания, но и фильтрацию истинного и ложного. Здесь как раз самые опасные ловушки, т.к. отличить такие вещи может только внутреннее сознание и дух, рождённый не внешним воздействием на человека, но его внутренним пробуждением.», – стряхнув с листа бумаги невидимые пылинки, мужчина прочитал написанное и вздохнув отложил ручку в сторону. Он глянул в сторону маленького оконца, заиндевшего от стужи. Там, в рассветной дымке наступающего утра, было видно плавное движение снежных хлопьев, которые проживали свой краткий жизненный миг, зародившись в небесных высотах, чтобы слиться с общей снежной массой, плотно укрывающей землю.

Мужчина встал и, оглядев скудное жилище последнего времени своего пребывания в этом северном городе, снова вздохнул. Жалко было расставаться, здесь хорошо думалось. А главное – от постоянного холода не было места досужим размышлениям и приятно было наградить себя теплом камина после выполненной работы. Но пора было собираться в путь: в этом городе его больше ничего не держало, свою последнюю работу он должен сделать сегодня ночью. Разворошив ещё раз камин, он огляделся и, согнувшись под низкой притолокой, вышел. Наспех преодолев каменные ступени с вьёвшимся запахом старости и пыли, он задел плечом стену и стёр паутину инея, красиво оплетавшую чьи-то литературные труды, и вскоре вырвался из мрачной парадной.

Бодрящий холод сразу вьёлся в открытые участки тела, мужчина остановился на пороге и огляделся из тени дома, как из укрытия. От люков клубами поднимался тёплый воздух, и люди, словно призрачные тени, двигались в этом водовороте густого тумана, пронизанного розовым заблуренным солнцем, как в замедленной съёмке. Мужчина несколько секунд рассматривал это немое кино, потом вдруг очнулся и не сразу понял, что так привлекло его внимание. Было странно уловить какой-то манящий запах, не известный до этого момента, а что было ещё хуже – он испытал незнакомое доселе чувство волнения, хотя и не знал, как это должно быть.

В следующую секунду туман развеялся от чьего-то стремительного движения: идущая через двор девушка словно разорвала этот густой сумрак и вошла в этот мир, неся за собой солнце. Она была отстранённо другая, окружённая ореолом искрящегося запаха. Девушка прошла мимо замершего на месте мужчины, мельком глянула на него, чуть скосив глаза, и снова исчезла молчаливом театре теней.

Боясь потерять её из виду, словно замороженный, мужчина отклонился от цели своего путешествия, и, наблюдая за её ускользающим силуэтом, двинулся по следу охватившего его странного чувства. Хотя никогда прежде он не нарушал своих планов, да и женщин он рассмат-

ривал только как объект, который превращал его мысли, его записи, его обучение в одно целое, в некий арт-объект. Потом он получал квинтэссенцию проделанного пути, после чего можно было вернуться домой, получив новый опыт, новый путь и снова стать художником. Вдруг он понял, что за своими размышлениями он потерял цель. Взгляд его заметался, забился между стенами домов, отыскивая незнакомку, но её нигде не было. Он осторожно покинул переулок и сразу же обнаружил девушку, спешащей через мост. Ему показалось, что солнечные лучи бережно передают её от одного к другому и несут над застывшим в ледяном дыхании зимы городом. Вдруг она кому-то помахала рукой, поскользнулась, но удержалась на ногах, и толкнув высокую деревянную дверь, оборвала связующую визуальную нить. Абсолютно подчинённая этому видению воля влекла его вслед за ней. Яркая вспышка солнца на латунной табличке, высветила название организации, куда она пошла: четыре выбитых в металле буквы Г.У.В.Д. Но это не остановило мужчину, он вошёл в здание и пошёл за её ароматом, который теперь он смог бы вычленивать из миллиарда запахов. Она уже исчезла из поля зрения, но шлейф тревожащих души ароматических ноток ещё плыл по коридорам, и мужчина безошибочно шёл за ним. Он в принципе всегда хорошо ориентировался по обонятельным маркерам, но это всегда был запах жертвы, и он чётко знал, что ему делать, а сейчас он терялся в своих ощущениях и не мог остановиться. Его так влекло это необычайное чувство, оно настолько было свежо и ново, что прагматичность его разума давно уже угасла лампочками на мониторе, которые следили за его передвижениями...

– Что случилось? – эхом отразился голос от стен в почти пустом помещении.

– Не могу понять по какой-то причине сбой, – оператор покачал головой, – но охотник сошёл с дистанции. Он нарушил маршрут и движется в другую сторону от места действия.

– Выведи мне последние данные на экран. А его взбодри немного. – искажённый переговорным устройством голос эхом осел в подвальном помещении.

– Сделано. – оператор нажал несколько клавиш.

... и тут к этому ареолу необыкновенного аромата стал примешиваться сладковатый и такой знакомый запах, узнаваемый из тысячи. Запах жертвы.

– Подождите, индикаторы стали приходить в норму. Странно, он в другом месте, но мы выходим на нужную нам ветвь событий.

Стефания, войдя с мороза в тёплое помещение, стянула шапку и, тряхнув волосами, пошла по давно знакомым коридорам, здороваясь со встречными людьми. Вскоре она толкнула дверь одного из кабинетов и вошла внутрь.

– Ох, как холодно. – она улыбнулась сидевшей за столом женщине. – Привет, Марго. Как дела? Судя по прекрасным синякам под глазами, либо много работы, либо ты всё-таки наладила личную жизнь. – ткнув пальцем в стопку бумаг на столе, Стефания продолжила. – Но судя по этой кипе, личная жизнь всё ещё плетётся в конце списка желаний. Заваришь мне чай?

– Чай на полке, чайник в шкафчике. – не отрывая взгляд от ряда фотографий, проронила сестра Стефании.

– Гостеприимно. – Стеф, распахнув короткую шубку, огляделась. – Ладно, чай у тебя гадкий, так что я ненадолго. Посмотрела я твои фотки – ужас, конечно, но я не нашла какой-либо ритуальной связи. – Стефания вытащила из сумки пачку фотографий, поискала глазами место, куда можно их приткнуть, и положила на картонную обложку одной из папок. – Понимаешь, вроде как есть что-то неуловимое, но что это, пока сказать не могу. Я сделала некоторые наброски, но боюсь, это мало чем поможет. Хотя я ещё подумаю. – Стефания присела на стоявший возле стенки диванчик. – Как поживает мой обожатель?

– Извини, но меня гораздо больше интересует, где тот ублюдок, который убил всех этих женщин.

Дверь кабинета приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова мужчины. Ему было примерно за сорок, редкие светлые волосики расплзлись поверх черепа неправильной формы, по носу всё время сползали очки в дешёвой оправе, а потёртое пальтишко было измазано штукатуркой на одном плече. Марго посмотрела в его сторону, а его бегающий взгляд несколько секунд елозил по лицу Стеф.

– Я слушаю вас. – наконец не выдержала Марго.

Мужчина с сожалением пошлёпал губами, потом задумался и проговорил:

– Велосипед у меня украли.

– Зимой? Кто сейчас катается, холодина такая? – Марго махнула рукой. – В районное отделение полиции, пожалуйста. Вас дежурный должен был направить.

– Спасибо. – наклонив голову, мужчина стал отступать в коридор. Наткнувшись спиной на какое-то препятствие, он неловко дёрнулся вперёд и из-под пальто показался краешек тяжёлого подвеса или кулона. – Извините. – буркнул он и быстро ретировался.

– Странно. – Стефания снова взяла в руки фотографии.

– Что велосипеды зимой крадут? Ну да, верно. – Марго постучала по столу карандашом.

– Да нет. Мужик мысль сбил. Может, показалось.

Стеф снова пересматривала снимки, где были запечатлены сломанные болью и смертью тела девушек.

– То есть, говоришь, к ритуальным убийствам это отнести нельзя? – Марго подняла на неё глаза.

– Деточка, – фыркнула Стеф, – в мире столько ритуалов и столько человек ещё придумать всего может, что у нас с тобой жизни не хватит всё это выучить. Но связь проследить можно, потом уже психиатра приглашать. – она передёрнула плечами. – Я насмотрелась всего, теперь домой боюсь ходить. А как ты связала воедино эти случаи?

– Я как вернулась со стажировки, то увидела похожий случай у нас. Мы там как раз дела разбирали, так сказать, особые. Позвонила, предложила коллегам поработать вместе. Выслала наши данные, они свои. Потом увидели несколько общих штрихов. – Марго замолчала. – Я тоже, наверное, поэтому редко домой хожу. Здесь как-то спокойнее.

– А какие штрихи? – Стефания поднесла фотографию с места преступления близко к глазам.

На этот раз дверь открылась широко, внутрь вместе с запахом мороза влетело двое мужчин. Один высокий темноволосый и несмотря на молодость статный, второй – плечистый, белобрысый и улыбчивый.

– Малинин, где вы болтаетесь? – раздражённо спросила Марго.

– Так ты же сама просила в архив сгонять. – развёл руками Егор.

– Кого? Кого я просила? Вы с МАРЫЧЕВЫМ всенепременно в архив вдвоём должны были ехать?

– Не, я в морге был, – Ваня МАРЫЧЕВ подлетел к Стеф. – Здравствуй, душа моя. Ты будешь моей женой?

Стефани вздохнула, закатила глаза и ответила:

– Если ты не доведёшь меня до сердечного приступа своими странными повадками, я поставлю твой вопрос на рассмотрение. – Стеф повернулась к Марго. – Если я когда-нибудь нечаянно убью его, ты будешь обязана, как сестра, завести дело в тупик.

– Как родственница, она не сможет вести дело. – резонно заметил молодой следователь Малинин, – а я, так уж и быть, развалю всё расследование.

– Спасибо, друг Егор. – рассмеялся Иван. – Марго, ну почему твоя младшая сестра так жестоко меня ненавидит? Я люблю её, а она издевается.

– Мáрычев, я не сплю уже несколько суток, а ты пришёл и несёшь ересь. Идите отсюда кофе пить, я скоро приду к вам. Закажите мне еды какой-нибудь. Малинин, ты тоже иди. – Марго подняла трубку зазвонившего телефона и сделала Стефáнии, Мáрычеву и Егору изгибающий жест.

– Я к кадровикам ещё заскочу. Мне пельменей закажите. – бросил Малинин и вышел в коридор.

Выходя из здания, Стефáния весело смеялась над шутками своего давнего ухажёра, который был давно и безнадежно влюблён в неё. Остановившись на минуту, она увидела на другой стороне дороги того мужчину, который искал велосипед, он что-то активно говорил в телефон и жестикулировал. И при этом у него был потерянный вид: видимо, ему не удалось доказать дежурному важность своей пропажи. Вдруг, рассерженно повесив трубку, он зашагал прямо к ней и, когда поравнялся, что-то пробормотал.

– Кто это? – Мáрычев, исчезнувший на минуту, уже стоял перед ней с прибитым холодом букетиком розовых гвоздик.

– Человек-велосипед. – девушка улыбнулась, взяла букетик, и, поднявшись на носочки, прикоснулась губами к холодной щеке оперативника. – Пойдём в тепло.

Весь последующий день прошёл в рутине будничных дел, и домой Стеф попала только к вечеру. Она устало привалилась спиной к двери и прислушалась к тишине своего жилища, потом стряхнула ползущее изнутри ощущение ужаса и подумала, что ещё один день, проведённый за изучением фотографий жертв, и она просто перестанет ходить домой. Вдруг в квартире резко погасло электричество, и Стеф несколько секунд до боли в глазах всматривалась в темноту, потом она потихоньку выбралась из странного оцепенения и прислушалась. Сейчас она совершенно ясно понимала, что на лестничной клетке кто-то стоит. Осторожные шаги за её дверью то приближались, то удалялись, что-то цокало по металлической обшивке, потом снова становилось тихо. Осторожно повернувшись, Стефáния приблизилась к дверному глазку, но за ним была темнота, хотя минуту назад, когда она выходила из лифта, там совершенно точно было светло. Она чуть не разрыдалась от страха и бессилия, перед глазами прошла вереница изображений трупов, и сейчас Стеф показалось, что пришли за ней. Стараясь не проронить ни звука, девушка достала телефон, быстро нажала сообщение Мáрычеву и вздрогнула от оглушительного грохота звонка над головой. В эту же секунду зажгётся свет.

– Стéфочка, ты дома? – очаровательный южный акцент соседки невозможно было спутать ни с чем.

– Да-да. Что случилось? – Стефáния рывком открыла дверь и сейчас на площадке снова горели все лампочки. – Электричества не было?

– Не знаю. Я мусор вынести хотела, но дверь что-то не открывалась, – соседка улыбнулась, – книги твои принесла. Ты что бледная такая?

– Всё хорошо, просто устала. – закрыв дверь, она прочла ответное сообщение от Ивана, быстро нажала отбой и уже жалела, что допустила минутную слабость.

Неспешные домашние дела принесли желаемое успокоение, ломивший весь день виски мороз стал наконец сдавать позиции, а ветер задувал в приоткрытое окно аромат свежего снега. Дом был её крепостью, здесь Стефáния проводила многие часы вопреки искусственно созданному ей же самой мнению о публичной жизни. Девушке нравилось учиться, она намеренно выбрала такое сложное направление как религиоведение, и теперь пыталась разобраться в вопросах мироздания.

Добравшись наконец до кровати, она взяла в руки ноутбук, открыла его, откинулась на подушки и открыла глаза, только когда в дверь позвонили. Настойчивый перелив звонка вещал о том, что сейчас ей как минимум полчаса придётся поить чаем своего спасителя Мáрычева, который не мог пропустить возможность приехать к ней.

– Иду, иду. Кто там? – она усмехнулась, увидев в глазок встревоженное лицо её обожаемого, – Привет. Прости, зря тебя дёрнула. Насмотрелась этих ужасов, а тут поднялась в квартиру, а как дверь закрыла, свет на лестнице выключили. Ну, проходи.

Ваня молча зашёл в квартиру, аккуратно прикрыл за собой дверь и попытался взять девушку за руку.

– Стефания, – казалось, он уронил её имя как тяжёлую ношу.

– Ваня, я прошу тебя, я так устала. – Стеф дёрнула рукой и попыталась высвободиться. – Давай чаю попьём и сегодня обойдёмся без признаний.

– Сядь, пожалуйста. – мужчина придержал девушку за локоть и, пододвинув стул, проговорил, – Я не знаю с чего начать. – сев перед ней, Ваня сжал её ладони в своих и вдруг резко вскинул голову.

Дальше Стеф казалось, что он просто шевелит губами, а всё сказанное им, как тупыми ножницами резало в лохмотья её нормальную жизнь, с каждым словом уходящую в прошлое.

Машину бросало на ухабах просёлочной дороги, которая упрямо сохраняла извилистый рельеф даже под толстым слоем снега. Чем дальше они удалялись от города и углублялись в лесную чащу, тем меньше вокруг было ветра; здесь непогода притихла, и в такт поднявшейся к вечеру буре лишь покачивался ровный тёмный коридор столетних елей. Вскоре в конце этого природного туннеля стали поблёскивать синие маячки полицейских машин, в отсветах фар мелькали люди, а чуть дальше, на ровном снежном поле, цилиндрами уходил ввысь свет от четырёх мощных прожекторов. Казалось, что кто-то намеренно здесь устроил световое шоу, через которое ветер теперь таскал крошево снега, страшно выл, ломал людей пополам, заставляя кланяться ему и идти, не поднимая головы.

После разговора, Стефания от самого дома не произнесла ни слова, она послушно разрешила себя одеть, села в машину и всю дорогу просто смотрела перед собой. Сейчас, когда они подъехали к точке назначения, девушка даже не пошевелилась, пока Иван не заглушил машину и не повернулся к ней:

– Я всё на свете отдал бы, чтобы ты не видела происходящего. Но тебе всё равно придётся рассмотреть место происшествия. – мужчина помолчал, взял её безвольную руку, прижал к своим губам и прошептал. – Ну и потом я знаю, что ты будешь мучиться всю оставшуюся жизнь, потому что не смогла всё увидеть сама. Я рядом.

Стефания покивала, открыла дверь, и на секунду задержавшись, сказала:

– Странно, а я думала, ты совсем меня не знаешь. – Стеф вышла из машины на расчищенную вызванным трактором поляну и пошла прямо по направлению к светлому пятну, куда уже успели лопатами разгрести неровную тропинку.

Посреди заснеженного поля снег был собран в высокую гряду, образовавшую круг, поверх гряды была разлита тёмная жидкость, она въелась в снег, пропитала края, кое-где скапывала до мутной плёнки льда: поле оказалось озером. В круге было четыре разрыва и Стефания прошла внутрь через один из проходов. Девушка медленно подошла к сколоченному деревянному помосту, по краям которого стояли большие фонари и смотрели прямо в небо, а рядом с ними примостились меньшие по размеру светильники, но они были чуть наклонены, и их свет создавал над помостом перекрестье, в центре которого высился шест, на котором висело тело.

Стефания не отрываясь смотрела на нанизанную и уже укутанную снегом фигуру. Сразу бросались в глаза мелкие кудри рыжих волос, перевитые снежным убранством, они тяжёлой, влажной шапкой парили над землёй и казалось, что Марго, запрокинув голову, смотрит в небо. Её руки были раскинуты словно крылья, а тело покачивалось на острие шеста, пронзаю-

щего позвоночник. Все это создавало удивительное ощущение полёта и невесомости, словно Марго улетала от них. Стефания невольно протянула руку к волосам сестры, но Ваня, стоящий позади, перехватил руку девушки.

– Не надо. – он обнял её. – Пойдём.

Стефания лишь покачала головой и отступила в сторону.

– Иван, – сбоку послышался громкий возглас Малинина, но потом молодой человек осёкся и уже тише добавил, – там из управления приехали. Тебя требуют.

– Иду. – он глянул на застывшую Стеф и спросил. – Ребятам работать нужно, они будут, – он замолчал, подбирая слова, – им нужно тело снимать.

Стефания лишь молча покивала и высвободилась из объятий Ивана.

– Мужики, – Ваня посмотрел на стоящих возле помоста судмедэксперта и криминалиста, – можно начинать. А ты, – он подозвал одного из молодых оперов, – рядом с ней стой. И чтобы никто к ней не подходил, – тихо сказал он.

Мáрычев быстро соскочил в снег, двинулся в сторону маявшегoся ожиданием начальства, но вдруг затормозил и обернувшись проговорил:

– Хоть одна шутка.

– Знаешь, Иван Сергеевич, – пожилой мужчина, тяжело взбирающийся на помост, остановился и отдышавшись проговорил, – она не только тебе другом была. Иди, я за Стеф пригляжу.

– Прости, старик.

Стеф молча наблюдала, как двое давно знакомых ей людей что-то пишут, фотографируют, потом на помощь подоспели ещё несколько людей в форме, и все они дружно попытались снять тело Марго с шеста. Стеф вдруг почувствовала какое-то движение под замершими ступенями помоста и в ту же секунду увидела, как резко отвисла вниз голова сестры, словно сломалась шея. Инстинктивно девушка подлетела и выставила руки, чтобы поддержать голову. В этот момент за спиной раздался громкий сухой щелчок возле одной из куч хвороста, лежащих в основании помоста, послышался отвратительный чавкающий звук, когда тело сняли с шеста, и вдруг Стефания почувствовала, как земля стала вибрировать под ногами.

В эту секунду стало понятно, из чего сделан круг вокруг помоста. Это были большие кучи сухих дров, пропитанные каким-то горючим. Стеф увидела, как искра, взметнувшаяся вначале одного из полукругов, мгновенно потащила за собой шлейф пламени и потом перекинулась на другие. Стефания беспомощно оглядывалась, понимая, что они уже в кольце плотного огня, который уже перекинулся к деревянной платформе, пожирая её, вытесняя людей, пытающихся собрать столь важные улики. Пламя разрушало тщательно собранную картину, корчило декорации в своих объятиях и вскоре взвилось над самым центром настила рёвом пламенного взрыва, ломающего под собой лёд. Стефания почувствовала, как всё дрожит под ногами. Вода, освободившись от ледяной корки, стала пробираться наверх из глубин озера, и картинка окружающего хаоса стала тонуть в оцепенении оттаявшего льда. Но вдруг пламя снова с рёвом взлетело вверх, и последним ярким пятном для Стеф стало удаляющееся огненное буйство, погружающееся в недра лесного озера.

Мáрычев, стоявший на берегу, заметил изумление на лице начальника главка, которому он докладывал происходящее.

– Это ещё что за пиромания?

Иван развернулся и увидел лишь, как пылающая деревянная постройка ломается под гнётом огня и уходит в вековой мрак озера среди разорванного взрывом льда. Остолбенев на секунду от увиденного, Ваня услышал чей-то вздох рядом и короткую фразу: «кто-то упал за пределы». Мáрычев побежал вперёд, столкнулся со снегоходом одного из полицейских и погнал вперёд наперерез снежному валу метели, к темнеющей на фоне белого снега человеческой фигурке, к которой, плотая снег, также стремительно приближался тёмный язык озёрной воды.

Соскочив со снегохода, мужчина провалился по пояс в наметённый наст и стал пробираться к лежавшей без движения фигурке.

– Сейчас, сейчас, я сейчас.

Увязая в ломающейся под тяжестью тела ледяной корке, Марычев оглянулся на расходящуюся полынью, уцепился за лыжу, и кое-как выбравшись из снежной ловушки, снова запрыгнул в снегоход и подъехал совсем близко.

– Стеф. – тихо выдохнул он, когда свесился с сиденья и прощупал пальцами слабо бьющуюся венку на шее.

Вдруг рядом раздался тихий рокот второго снегохода, и Ваня увидел, что это Малинин примчался на помощь.

– Не слезай, срочно развернись. Её в больницу нужно. – закричал Марычев.

Малинин до максимума выкрутил ручку газа, взвился на месте, чуть ли не поставив самоходные сани вертикально, но ловко уронил их обратно на лыжи и встал так, чтобы прицеп подлетел к Марычеву.

– Марычев, быстрее! – заорал Егор. – Полынья близко. Сам не дури, прыгай тоже.

Вода была уже всего в нескольких сантиметрах от снегохода Марычева, когда он водрузил Стеф на сани Егора, потом оперативник почувствовал, как просела задняя часть повозки, прыгнул на боковины снегохода и, прикрывая от метели тело Стеф, поехал к берегу. Его же снегоход ушёл под воду в ту секунду, как он с него спрыгнул.

Ошеломлённый ночными происшествиями лес шумел верхушками деревьев, расступаясь для холодного северного ветра, серый рассвет обнажил уродливую, обугленную, но уже поддёрнутую плёнкой новорождённого льда полынью, посреди некогда тихого озера. Позёмка засыпала колючими крупинками прорехи в снежной глади. Вокруг была тишина, и только белые вихри водили хороводы, скорбно склоняясь к земле.

Уже несколько часов пытаюсь что-то безуспешно рассмотреть в трещинах лака на рабочем столе, Марычев сидел в своём кабинете. Телефон, поняв безнадежность звонков, потух и затих, дверная ручка перестала елозить в разболтанном отверстии, наступила тишина. Но вдруг в молчаливом коридоре раздались шаги, и высокий женский голос проговорил:

– Ваня, я знаю, что ты там. Открой мне дверь. Только что звонили из больницы, операция прошла успешно.

Оперативник молча встал со своего места, надел куртку и, открыв дверь, столкнулся с невысокой рыженькой женщиной, ненамного старше его, но уже дослужившейся до майорских звёзд.

– Спасибо, Настя. – уронил он и быстро пошёл по коридору.

– Постой. Ваня, я отвезу тебя. Я на машине. – спокойно сказала Анастасия и пошла вслед за ним.

Раннее утро бродило по тихим больничным коридорам от палаты к палате, везде было спокойно и лишь изредка слышались чьи-то стоны, но вскоре они затихали, и дремота окутывала пространство.

Когда Марычев подошёл к отделению реанимации и уже хотел открыть дверь, его руку перехватила подоспевшая медсестра.

– Куда? Там тяжёлые лежат.

– Я только гляну на неё.

– Да нельзя.

– Нам можно. – спокойно, но очень веско сказала Анастасия и предъявила удостоверение. – Следователь по особо важным делам Колизина Анастасия Ивановна. – На минуту. Мы войдём на минуту, я прослежу.

– Ой, ну только быстро. Мне и так влетит. – посетовала медсестра и скрылась за дверью процедурного кабинета.

Марычев остановился перед стеклом, за которым стоял ряд кроватей, мерцали мониторы и лежали люди, среди которых была Стеф, ещё вчера такая весёлая и жизнерадостная. Настя потянула Ивана за руку и, когда он попытался отстраниться, тихо проговорила:

– Она всё равно тебя сейчас не видит и не слышит. Но я где-то читала, что мы своим беспокойством создаём ненужные вибрации, а здесь и так всё очень плохо. И помни, пожалуйста, что ты, прежде всего, лучший оперативник и только во вторую очередь друг Марго, а уж в последнюю – влюблённый. Сейчас нам необходимы все силы. Но ты в растерянности и панике. Пожалуйста, не выпадай из команды, Марго выпала и вот результат.

– Не надо так. – Марычев выпрямился, мышцы лица напряглись, и он снова отошёл от женщины на шаг.

– Нет, надо. – твёрдо сказала Колизина. – Она в результате своих действий не только погибла сама, но и поставила под угрозу жизни многих людей, в том числе своей сестры. Мы командные игроки, я бы даже сравнила нас со стаей. Недаром каждый из нас изучает изначально одинаковые дисциплины, а затем выбирает узкую специальность, и вместе мы складываем потом мозаику преступления из разных частей. Пойдём, нам нужно собраться и работать.

Марычев лишь вздохнул, кинул последний взгляд на бледный овал любимого лица и послушно вышел из реанимации.

Стеф пыталась уловить обрывки мыслей, пробиться сквозь дымку размытого сознания, выбраться из нарастающей боли, но потом снова отключалась. В один момент она осознала, что видит через мутную пелену перед глазами склонённую над ней, искажённую преломлением света фигуру.

– Вы кто? – смазанный женский голос донёсся до слуха Стеф.

Вошедшая медсестра увидела склонённого над кроватью Стефани незнакомого мужчину.

– Я лекарь. – отозвался мужчина выпрямляясь.

– Новый доктор, что ли? Что-то я не помню вас. – нахмурилась пожилая дама. – Что вы делаете? У неё вся рука красная.

На предплечье Стеф, там где незнакомец держал свою ладонь, действительно расцвело красное пятно.

– Нет, я лекарь, я врачую по-другому. Она скоро поправится. – тихо произнёс он и, направляясь к двери, по дороге перехватил руку женщины и растянул в улыбке губы.

– Что вы делаете? – воскликнула медсестра.

– Удерживаю мгновения вашей жизни. – тихо ответил мужчина и, резко отпустив запястье женщины, открыл дверь палаты. – Я отдал ей слишком много энергии.

В управлении теперь уже бывший кабинет Маргариты был забит людьми. Колизина, занявшая место и стол своей предшественницы, отдавала чёткие распоряжения и потихоньку разгоняла коллег с заданиями. Оставшись с Марычевым и Малининым, она выдохнула:

– Чертовки тяжёлый день. – женщина несколько секунд помолчала, потом подняла на Ивана глаза и продолжила. – Стеф в больнице, больше у них нет родственников, – она движением руки остановила порыв Марычева вставить слово, – подожди. Я возьму организацию похорон на себя. Ваня, ты хорошо разбираешься в оперативной работе, а я прекрасный орга-

низатор. Давай каждый будет заниматься своей работой. Сейчас важно бросить все силы на раскрытие этого дела.

– Хорошо. – Марычев покивал. – Я хотел съездить сегодня и на земле там походить, с местными поговорить.

– Отлично. Давай. Егор, ну а тебя я нагружу половиной не законченных Марго дел. – обратилась она к Малинину.

– Да, но я хотел бы принимать непосредственное участие в, – Егор запнулся, – в этом расследовании.

– Егор, мы все одна команда. Я всегда рада выслушать конструктивные предложения.

Анастасия отвлеклась на телефонный звонок, нахмурилась и когда положила трубку на место, Марычев спросил:

– Из больницы? Что там? Как Стеф?

– Всё в порядке. Мы пост поставили. Есть там неприятный момент, но к Стефани он не имеет отношения. – махнула рукой Настя.

– Что случилось? – Малинин взглянул на дёргающегося Марычева и покачал головой. – Ваня, правда, ну чем ты сейчас там поможешь?

– Ваня, там реанимационная медсестра на посту умерла. Пожилая женщина, сердечный приступ. Я вообще не понимаю, почему мне посчитали нужным это сообщить. – Настя вздохнула. – Кстати, Стефани пришла в себя, её уже даже в интенсивную терапию перевели.

Буквально через неделю, к удивлению врачей, Стефани уже была на ногах и, пройдя через долгую, утомительную беседу с лечащим врачом, всё-таки настояла на своей выписке.

– Вы были практически при смерти. – доктор поправил очки и с тяжёлым вздохом подписал документы. – Мы вас еле собрали. Вы понимаете, что у вас сердце останавливалось?

– Но сейчас-то я здорова? – спросила Стеф.

– Больше того, у вас шрамы почти все затянулись, а это знаете ли нонсенс.

Мужчина молча развёл руками, подвинул девушке выписку и встал из-за стола.

– Доктор, у меня только один вопрос, что это за пятно? – спросила Стефани, закатывая рукав футболке и показывая предплечье, на котором коричневыми пятнами расплзлся замысловатый рисунок.

– Пятно родимое. – кинув короткий взгляд, сказал врач. – Вот видите, вы не помните, что оно было. Это тревожный признак.

– Но его не было. – покачала головой Стеф.

– Конечно, могло вследствие множества травм и после хирургического вмешательства появиться. – врач ещё раз присмотрелся. – Но, конечно, не такое большое. В любом случае это повод наблюдаться. Обратитесь хотя бы в поликлинику по месту регистрации.

Выйдя из больницы, Стефани вызвала такси, доехала до дома и, забравшись в душ, долго сидела без движения под струями горячей воды. Она долго не могла посмотреть на странное изменение кожного покрова на руке, потом всё-таки заставила себя глянуть и ей пришлось зажать себе рот, чтобы не закричать. Стефани только один раз видела такой рисунок и то это было под большим секретом. Она тогда с несколькими студентами за астрономические для простых ребят деньги ездила на какой-то колдовской съезд, изучала ритуалы и хотела писать дипломную работу на тему «Ритуалы, как проводники веры». Она помнила одну женщину, позвавшую только её к своей машине. Там она молча раскрыла ветхую, почти рассыпающуюся книгу, ткнула в точно такой же знак пальцем и, подняв на Стеф потемневшие глаза, сказала:

– Когда ты его увидишь, значит, ты перестала жить. Значит, ты перешла рубеж смерти и снова вернулась. Ты стала другой. Значит, ты сможешь закрывать ритуалами прорехи между мирами.

Тогда Стефани это показалось странной глупостью, и вообще вскоре она поняла, что их развели на деньги, потому что весь съезд был больше похож на пьянку и какое-то неинтересное шоу. Но с тех пор слова той женщины неотступно преследовали девушку, а сейчас, когда она всё вспомнила, ей стало нестерпимо страшно.

Страшно оттого, что ничего нельзя изменить. Страшно оттого, что вчера она умерла...

Глава 2

Пятнадцать лет спустя...

Тёмную извилистую улицу ночной дождь постепенно превращал в ручей, резкие порывы ветра распатывали кроны невысоких деревьев, в темноте клацали железом резные металлические вывески, которые так нравились туристам, кое-где хлопали не закреплённые деревянные ставни окон. Единственное светлое пятно, выделяющееся в сумраке, дрожало размытыми тенями на стене дома напротив, отражаясь от вывески «БАР», раздражающей своим миганием.

За залитым мерцающим светом окном внутри находилось всего два человека, которые не торопились в такую погоду покидать уютное тепло. Мужчин разделяла лента барной стойки и явно непростой разговор. Один из них наконец вдруг на что-то решился, поставил на тёмную поверхность столешницы толстостенный бокал с осколками оплавившихся льдинок и поднял глаза на хозяина заведения.

– Почему именно она?

– Ты пришёл ко мне с вопросом, – спокойно ответил бармен, – я тебе на него ответил. Если ты пришёл ко мне, значит, ценишь моё мнение и мне не надо его объяснять. – мужчина пригладил короткую щетину бороды, часто исколотую сединой.

– Я прошу объяснить. Я почти не спал неделю, это не просто клиент, это друг. Поэтому я пришёл к тебе. Кто она? Экстрасенс, детектив? Кто? – невзрачный, приземистый мужчина положил почти квадратные ладони на деревянную поверхность стойки.

– Она писатель. Но также у неё есть невероятный талант, я не знаю, как она это делает, но если она согласится... – бармен наклонился и, вынув синюю папку из-под стола, бросил её перед собеседником. – В прошлом году у директора местного банка пропала дочь. Шла из школы домой и пропала. У нас небольшой городок и всё на виду. Она шла с подружками, а за несколько метров до дома исчезла. Искали долго, месяца три, кого только не подключали, прочесали каждую травинку в лесу, каждый дом, даже церковь. Ничего. – щёлкнув клавишей, бармен выключил свет над входом. – Стефания тогда приехала работать над очередной книгой, и я уговорил безутешного отца обратиться к ней. Она нашла ребёнка за неделю, и то, потому что девочка была закопана. И по всем признакам было понятно, что обратись мы раньше, нашли бы раньше и живой. И это не единственный случай. Я сразу предложил вызвать Стеф, но все скептически отнеслись к моему предложению. Она не афиширует такие расследования, она известный писатель, по идее ей хватает и денег, и славы. Поэтому решать тебе. – поправив круглые очки в тонкой серебристой оправе, бармен налил в бокал тягучую, прозрачную жидкость.

– Как мне её найти?

– Ты сначала скажи, что решил, а дальше я тебя с ней сведу. Да и то если она в городе: она собиралась на днях уехать, хотя ко мне точно бы зашла. – бармен стряхнул крошки со стойки и выключил вывеску, отчего в переулке стало совсем темно, и единственным источником света стало окно бара.

– Что станет с моей репутацией, если я начну обращаться к шарлатанам? – мужчина положил локти на неровный край стойки и склонил голову. – Что?

Бармен усмехнулся:

– Ну, Кирилл, непонятно почему ты считаешь её шарлатанкой. – бармен отключил от питания кофемашину. – Если бы твой мир не был настолько узок и прямолинеен, ты бы сейчас спасал жизнь, а не свою репутацию. Ты привык решать всё с помощью ножа, пистолета и парочки спившихся детективов, которые, заправившись горкой порошка, начинают пользо-

ваться своим, поистине шикарным мозгом, и распутывают дела и это тебе кажется нормальным. – сполоснув руки, бармен долго и аккуратно промокал ладони полотенцем. – Что ж, может быть на этот раз дело просто не по зубам?

Мужчина поднял глаза на бармена.

– На меня так смотреть не надо, – бармен щёлкнул тумблер внутреннего освещения, – я закрываю бар. Иди к себе в отель, а я пойду спать. У меня завтра с утра переучёт.

– Неужели, ты не можешь предложить никого кроме неё. – Кирилл попытался удержать протянутую для прощания руку.

– Знаешь, если бы тебе надо было урегулировать конфликт где-нибудь в Азии или Африке, или вызволить заложника, я нашёл бы пару крепких ребят, но ты сейчас пришёл с другой проблемой. Извини, я и правда уже закрываю бар. – темноволосый мужчина открыл дверь на улицу и вдохнул ночной влажный воздух. – Смотри какой ливень. Тебе дать зонт?

– Мне дать решение. – мужчина постоял в нерешительности и не оборачиваясь пошагал прочь.

Бармен поднял лицо и ещё несколько минут наслаждался свежим ветром, переулок полностью погрузился в темноту, только усиливающийся дождь смывал дневную суетливость, брошенный мусор, обрывки слов. Наконец, вздохнув, бармен повернул табличку на двери, опустил шторку и уже готов был идти домой, как услышал за спиной быстрые шаги и усмехнулся.

– Ну что? – он кивнул прежнему собеседнику.

– Как мне найти её? – гость двумя ладонями убрал назад мокрые непослушные волосы.

– Будь у меня в шесть утра. Я договарюсь с ней о встрече. – бармен посмотрел на часы.

– А сейчас нельзя? – собеседник нервно ломал мокрые спички, пытаясь закурить, потом бросил на мостовую размокшую сигарету и часто задышал. – Каждая минута на счету.

– Ты три часа пытал меня, теряя время. А теперь пытаешься ускорить процесс?

– Пожалуйста.

– Чтобы она была здесь в шесть утра, я сейчас должен, вместо того чтобы пойти спать, ехать к ней домой. Она редко пользуется телефоном. Так что давай ты прекратишь свою истерику. – жёстко отрезал бармен и зашагал прочь.

Утреннее молоко влажного тумана заволокло улочки городка, редкие машины, медленно бредущие в непроглядной мгле, немного разгоняли серую взвесь, но потом всё возвращалось на свои места и казалось, что город давно стал призраком, и солнечный свет никогда сюда не заглядывает.

Вскоре послышалось жужжание, гущу непогоды пробил яркий луч от загоревшейся барной вывески, она немного порадовала владельца, но потом стала снова мигать.

– Это невыносимо. – вздохнул владелец бара и, махнув рукой, зашёл в помещение.

Утренние хлопоты немного стряхнули кокон бессонной ночи, бармен глянул на загоревшуюся лампочку нагретой кофемашины, отвернулся, чтобы взять чашку, и услышал за спиной голос:

– Мне тоже сварить. Эспрессо.

– Привет, Стеф. – с улыбкой кивнул бармен высокой, темноволосой женщине, стоявшей возле стойки. – Я заезжал к тебе вчера.

– Я знаю. – Стефани забралась на высокий стул. – Я видела тебя. Прости, не могла выйти. Что ты хотел?

– У моего друга проблема. Нужна твоя помощь.

Стефани отпила глоток из крохотной чашки и удивлённо воззрилась на бармена:

– А я что теперь решаю проблемы твоих друзей?

– Пожалуйста, просто поговори с ним.

– Мне в этом баре приготовят яичницу? – Стеф не мигая посмотрела на владельца бара.

– Где кухня ты знаешь. И на меня тоже сделай, мало того, что я не спал, так ещё и не ел с вечера. – сказал мужчина и стал расставлять высохшие бокалы по местам.

– Шикарное у вас обслуживание. – проворчала женщина, допила кофе и поплелась в сторону кухни.

Через несколько минут входная дверь открылась, бармен глянул на бледного, с тёмными кругами под глазами приятеля, коротко кивнул и пригласил присесть.

– Ну что? Где она? – проигнорировав приветствие, спросил мужчина, обдав владельца заведения крепким перегаром.

– Я смотрю, твоя проблема не такая серьёзная, раз ты решил добавить после нашего вчерашнего разговора.

– Я спать не могу, настолько серьёзная. – рявкнул Кирилл. – Не томи. Придёт? Нет?

В этот момент Стефани появилась со стороны кухни с двумя тарелками нарядной яичницы, равнодушно скользнула взглядом по первому посетителю и поставила одну из тарелок перед барменом.

– Девушка, можно мне тоже. – Кирилл коротко сглотнул слюну.

– Ешь, мою. Я потом себе ещё сделаю. – хозяин бара поставил перед ним свою тарелку и корзинку с хлебом.

Бармен взглядом дал понять Стеф, что это и есть тот приятель, о котором он говорил, но девушка нахмурилась и, покачав головой, словно попросила пока что не знакомить их. Стефани выбралась из-за стойки, присела на другом конце деревянной столешницы и стала, тихо постукивая вилкой о поверхность тарелки, медленно окунать кусочки свежей булки в желток. Она наблюдала, как суетно друг бармена ест предложенную еду, как поминутно вытирает покрывающийся бисеринками пота лоб, стряхивает крошки прямо на чистый пол и отрывисто спрашивает, когда же будет долгожданная встреча.

– Расскажи ещё раз всё по порядку. – бармен открыл толстую тетрадь, где по старинке вёл учётные записи товара.

– Я тебе что, вместо телевизора? – взорвался Кирилл. – Мне помощь нужна, а я как клятый дурак уже который раз тебе должен всё пересказывать.

– Давай ещё раз, только толково, без лишних красочных деталей. – твёрдо сказал бармен.

– Короче. У моего босса есть дочь, она с приятелями поехала фотографироваться, они на великах были. Возвращались по лесной тропе, на обратном пути она из леса не выехала. Они сначала сами искали, потом уже полицию подключили, потом МЧС и чёрта в ступе. Цепью ходили, с вертолётки искали, с квадрака с тепловизором искали. Нет её нигде. Ты же понимаешь, что мой начальник не последний человек в городе, да что там в городе, он в области первый после первого, мы все силы бросили.

Бармен посмотрел на экран телефона и, увидев присланное сообщение, спросил:

– А куда фотографироваться-то ездили?

– Ну, куда вся молодёжь прётся у нас и туристы? – вскинул голову Кирилл, утирая рот ладонью. – На Васюганские болота, будь они неладны.

Стеф тяжело вздохнула, встала со своего места и, подойдя к мужчинам, тихо сказала:

– Вы обычным рейсом до Томска возвращаетесь или у вас свой самолёт?

Кирилл воззрился на Стефани, молча смерил её взглядом и, переведя взгляд на бармена, потряс головой:

– Я не понял.

– Это Стеф. Она согласна. – терпеливо пояснил мужчина. – Если ты не на своём транспорте, то нужно заказать билеты на ближайший рейс. Так? – он взглянул на Стеф.

– Верно. И пожалуйста, протрезвейте до вылета. – жёстко проговорила женщина и, натянув куртку, добавила. – Напиши мне, во сколько нужно быть в аэропорту. Я поехала собирать вещи.

Ранний утренний рейс привёз горстку пассажиров, выпустил из чрева самолёта заспанных людей, и самолёт, дождавшись пока пассажиров подберёт автобус, укатился на стоянку. На месте остались только Стефани с нервничавшим Кириллом, который никак не мог дозвониться до водителя встречающей машины.

– Может быть, быстрее будет, если мы сами доберёмся? – уперев немигающий взгляд в изрядно помятое пьянством лицо начальника охраны, спросила Стеф.

– Да куда сами? За нами вертолёт должен прибыть, но он только через полчаса приземлится.

– А куда мы тогда на машине должны поехать? – несколько нервно спросила Стефани, успев за время дороги крайне утомиться компанией Кирилла.

– Ну до аэровокзала. Не на улице же стоять. – пожал плечами мужчина.

– Вы в себе? – вздохнула Стефани и, протерев лицо ладонью, добавила. – Я очень рада, что вам удалось в самолёте выспаться, сейчас у вас другая мегазадача. Вы должны в максимально короткий срок доставить меня до места происшествия.

Спустя четыре часа окончательно вымотанная Стефани вывалилась из вертолёта и под аккомпанемент оглушительно режущих лопастей побежала к встречающему её немолодому мужчине, стоящему на поросшем травой пригорке.

– Здравствуйте! – прокричала девушка.

Но мужчина, показав на уши и потыкав в сторону поднимающегося вертолёта, поманил за собой через короткую лесополосу к ряду новеньких приземистых домиков.

– Простите, – проскрипел он сиплым голосом, – очень плохо слышу.

Каждое слово словно дребезжало в горле старика, перекатывалось где-то в глубине и с трудом выкатывалось наружу.

– Давно построена турбаза!? – громко спросила Стеф, оглядывая постройки, прячущиеся среди низкой растительности.

– Не очень. – старик махнул рукой. – Да и это не турбаза, больше для своих, для гостей. Ну, может, когда-то домики и будут сдавать. А так обслуга с другой стороны хозяйского дома живёт, а гости здесь располагаются. – провожатый показал на бок большого дома. – А там хозяева.

Добравшись до вполне современного строения, Стеф оглядела дочиста вычищенные дорожки, искусный прудик, бывший посреди него фонтан, и после взгляд её упёрся в стоящую наверху лестницы бледную женщину.

– Здравствуйте. – Стефани махнула рукой и стала подниматься. – Меня зовут Стефани, а вы Елизавета Константиновна?

– Можно просто Елизавета. – глухо ответила женщина. – Здравствуйте. Проходите. – с этими словами хозяйка дома развернулась и пошла внутрь.

Как только Стеф переступила порог, она сразу попала в плен гнетущей, словно траурной, тишины. И хотя по дому передвигались люди, их было почти неслышно, казалось, они боятся проронить лишнее слово или как-то нарушить этот молчаливый обет.

– Скажите, я могу остановиться в одном из гостевых домиков? – проходя в гостиную, спросила Стеф.

– Конечно, если вам удобно. – хозяйка дома развела руками. – Хотя я не понимаю, зачем вас вызвали? – с неприязнью спросила женщина.

– Наверное, чтобы помочь найти вашу дочь.

– А! – зло воскликнула женщина. – Вас не смущает, что здесь уже армия опытных рыбаков, спасателей и егерей прошла? Эти треклятые болота кругом. Куда она могла с велосипедом деться, так чтобы даже следа не осталось, а? Просто загадка века. Конечно, в топь! – последние слова женщина буквально выкрикнула.

– Где комната вашей дочери? – спокойно спросила Стеф.

– Наверху. – устало отозвалась Елизавета. – Эмили жила наверху, она любила оттуда смотреть на природу. – мать покачала головой. – Приехала на выходные. – смахивая близкие слёзы, проговорила она. – Зачем? Зачем она приехала?

– Проводите меня, пожалуйста. – попросила Стеф.

– Пойдёмте. Она рисует, танцует, вышивает. Мы теперь редко видимся, я практически безвылазно живу здесь, в этой придумке моего мужа. А Эмили живёт в общежитии, она попросилась жить там, потому что так проще познавать социальную среду, точнее, заводить друзей. А так, – зайдя в комнату, мать обвела рукой яркие картины, написанные в стиле импрессионизма. – она выражала милый протест строгой и консервативной отделке нашего дома.

Женщина говорила нескладно, перескакивала с одного события в жизни дочери на другое, потом замолкала, смотрела в окно на затухающий день и просто молчала.

– Довольно спартанский стиль для молодой девушки. – Стеф присела на компьютерное кресло. – А какой у неё рост?

– Примерно, как у вас. – мать девушки тяжело опустилась на стул возле двери. – Сто семьдесят четыре сантиметра.

Стефания присела в кресло и нахмурилась.

– Хм, кто сидел в этом кресле? Следовательно, опер, обслуга? – Стефания поводила руками над столом, ища им удобное положение.

– Никто, наверное. – женщина пожала плечами. – Следовательно приезжал, но он с порога осмотрел комнату, и всё. Его больше интересовали ребята, с которыми Эмили приехала на отдых.

– Видите, как расположены мои колени. – Стефания похлопала себя по колену, – ей было бы неудобно так сидеть. Стул регулируется и запоминает последнюю высоту посадки и если не отпустить стопор, то оставит ту, которая была удобна последнему, кто им пользовался. Кто мог пользоваться креслом последний?

– Не знаю. – женщина наблюдала, как Стеф катается на кресле по комнате. – Эмили встречалась со своими друзьями в гостевых домиках, сюда она друзей не приводила, её отец – строгий человек и занятой бизнесмен, поэтому посторонние люди в доме нежелательны.

– Хорошо, с этого кресла, из такого положения удобно достать до стола, до средней книжной полки, до подоконника... Посмотрите на эти поверхности, что-нибудь не так. – Стефания снова выдвинулась на середину комнаты.

– Я не знаю. Вроде всё на месте. – женщина бессильно развела руками. – Меня уже спрашивали.

– Вас спрашивали в целом, а я прошу вспомнить, как выглядели эти три поверхности до того, как Эмили уехала на фотосессию.

– Все в порядке.

– Какие ещё события произошли в тот день?

– Ничего особенного. – мать Эмили пожала плечами. – Привезли продукты, потому что к мужу собиралась компания. Вместе с продуктовым обозом, приехал мастер, подключить новый домашний кинотеатр и отремонтировать освещение возле гостевых домиков.

– Вы видели мастера? – Стефания развернулась к ней.

– Конечно. Это Лёша. Он постоянный мастер, работает на моего мужа. Я встретила с ним внизу, дальше попросила проводить горничную.

– Понятно. Скажите, пожалуйста, как вы передвигаетесь здесь? – Стеф покачала головой. – Я полагаю, на машине не вариант?

– Велосипеды, квадроциклы, лодки.

– Меня может кто-то проводить на то место, где пропала Эмили?

– Сейчас бессмысленно туда ехать, точнее, плыть. Уже темнеет, на улице дождь, там вы ничего не увидите.

– И всё же. – Стеф в упор посмотрела на неё.

– Не знаю. Спрошу Николая Ивановича, выйдет он сейчас на лодке или нет.

Женщина, выйдя из комнаты дочери, вдруг резко остановилась и долго стояла, вглядываясь в стену напротив.

– Что случилось? – спросила Стефани, выходя следом.

– Я не знаю. Эта картина здесь никогда не висела, точнее, это даже не наша вещь.

В небольшом простенке висела небольшая картина, где маслом был сделан набросок в тёмных тонах.

– Что значит не ваша? Может, это Эмили написала?

– Я в это крыло хожу редко, только перед приездом дочери, но её точно здесь не было. Вчера вечером точно. Ничего не понимаю. – женщина потрясла головой. – Катя, – крикнула она протиравшую неподалёку пыль горничную. – Это что?

– Так я думала, вы повесили. – низким голосом сказала подошедшая женщина.

– Давно она здесь? – задумчиво проговорила Стеф.

– Да с утра вроде. Я вчера поднималась протереть здесь, но не было картинки или я внимания не обратила. Постойте, – она наморщила лоб, – как же не висела картина. Здесь висела, но другая, вам прислали друзья, вы ещё удивились, что столько лет от них не было вестей, а тут они прислали подарок.

– Да, я совсем забыла. – Елизавета всплеснула руками. – Я попросила повесить эту картину рядом с комнатой дочери, чтобы им было приятно. Мы действительно, когда дочке было пять лет, – она сделала внутреннее усилие, чтобы не дрожали губы, – поехали на острова и там встретили семейную пару. Они были восхищены нашей малышкой и потом приезжали к нам в гости, а где-то год назад наша связь прервалась.

– Почему? – спросила Стефани, разглядывая коридор.

– Я писала, звонила, но в ответ только молчание. Не знаю.

– Что дальше по коридору? – резко спросила Стеф.

– Там комната-склад, так мы её называем, расположение неудобно спланировано для жилья, а как склад, удобно. – горничная нервно поправила воротник. – Здесь-то потом собирались вообще хозяйственный этаж сделать. Для Эмили отдельный дом был задуман. Поэтому здесь так скромно. – женщина хмурила брови, одёргивала платье и оглядывалась по сторонам, словно рядом мог появиться кто-то незваный.

– Успокойтесь. – Стеф положила руку ей на плечо. – Чего вы так боитесь?

– Как же мне не бояться, когда по дому гуляет неизвестно кто. Картина-то не сама поменялась. – охнув, горничная тихонько заплакала.

– Катя, прекрати. – резко сказала Елизавета.

– Что вы видите на этой картине? – проговорила Стеф.

– По-моему, силуэт какого-то дома и вроде кто-то стоит. – приоткрыв рот, Елизавета вглядывалась в висевшее полотно.

– Картина по размерам совпадает с той, что висела прежде? – фотографируя холст, спросила Стеф.

– Не помню. По-моему, да. Я могу посмотреть упаковку в кладовой, это была коробка, вполне возможно, её не выбросили. Заговорили про ту комнату, и я вспомнила, что могли оставить там.

Стефани, не дойдя до кладовой, остановилась возле небольшого коридорчика, упирившегося в балконную дверь.

– А там что?

– Лоджия второго этажа. Проектировал не очень успешный архитектор, и она получилась неудобной, ей почти никто не пользуется. – проговорила мать Эмили.

Наконец, добравшись до двери кладовой, горничная вставила ключ в замочную скважину и, легко повернув его, оттянула на себя. Нащупав на стене выключатель, женщина зажгла свет и остановилась как вкопанная.

– Здесь много вещей, я не знаю, найдём ли. – хозяйка дома наткнулась на стоящую горничную и недовольно проговорила. – Катя, ну что опять? – но задохнувшись последними словами, бросилась вперёд. – Девочка моя. Эмили...

Стеф едва удалось перехватить обезумевшую мать, с силой оттянуть назад и вытолкать за дверь.

– Стоять, здесь! – гаркнула она на рвущуюся вперёд женщину. – Скорую срочно! – с этим криком она захлопнула натужено запищавшую деревянную створку и, тяжело дыша, остановилась.

Посреди кладовой на полу лежала Эмили, она была в простом чёрном платье, светлые волосы прикрыты чёрной накидкой, больше похожей на фату, закрывающей половину бледного, почти воскового лица девочки. Стефани из последних сил спиной держала дверь, стараясь не пустить бьющуюся в истерике мать и быстро фотографируя всё, что было в кладовке, чтобы потом подробно рассмотреть. Собравшись с духом, Стеф выскочила за дверь и с силой схватила Елизавету за руки.

– Туда нельзя. Она жива. Нужна скорая.

– Почему мне нельзя к моей девочке? – ревуший голос распугал тишину по всему дому, наверх стали стягиваться работники и последним пришёл провожавший Стеф старик.

– Вам нельзя. Она спит, она под действием каких-то препаратов. Мы можем убить её, если будем безрассудны. Я буду с ней до приезда медиков. – Стефани пыталась успокоить бушующую эмоциями мать.

– Я же думала, она умерла. – внутри женщины билась истерика.

Елизавета рвалась из цепких рук Стефани, но та крепко держала её и отдавала короткие команды:

– Катя, быстро воды и любое успокоительное. Николай Иванович, вы вызвали вертолёт?

– Да, я Семёну Сергеевичу позвонил. Сейчас всё будет. Он близко, прилетит быстро.

– Так! Ещё мне нужны перчатки и большой пластиковый пакет. – сказала Стеф. – Также нужна пижама Эмили или домашний костюм. Я хочу её переодеть, нужно снять платье, в котором её доставили сюда.

– Зачем? – спросила плачущая женщина.

– Потому что я не знаю, кто доберётся вперёд, медики или следователь. На одежде могут быть отпечатки. И перегородите вход на этот балкон, – Стеф кивнула в сторону коридорчика, – это самый удобный доступ, чтобы принести её сюда.

Ещё недавно тоскливый, дремлющий дом заворочался внутри шагами, громкими головами, окна в разных концах дома вспыхивали светом, люди метались внутри, мешали друг другу, ругались, но потом успокаивались и старались выполнять распоряжения Стефани как можно быстрее.

Вскоре в вечеряющем небе над рекой нависла огромная тёмная тень вертолёта. Он, почти задев воду, метнулся к месту стоянки, из него выпрыгнул отец Эмили и худощавый, длинный провожатый, местный следователь по особо важным делам Кузякин Василий Валентинович. Неуклюже перескакивая мостики, сооружённые над искусственно проведённой через территорию базы протокой, мужчины быстро побежали к большому дому.

– Где она? – едва переступив порог, часто дыша, спросил Семён.

– На втором этаже. – стоя наверху лестницы, сказала Стеф. – Но вам сюда нельзя. Я пушу только медиков.

– В моём собственном доме, к моей собственной дочери? – взревел огромный мужчина, проскакивая внушительное пространство холла в несколько шагов.

– Вы помните, что мы с вами подписали договор, прежде чем я взялась за работу? Его вам прислал Кирилл, – Стеф не сдвинулась и на миллиметр, когда мужчина, преодолев ступеньки, бежал на неё, зло вращая глазами. – Так вот, сейчас я вам абсолютно серьёзно говорю, что если вы туда зайдёте, то я моментально выдвину против вас обвинение.

– Вася, что ты стоишь, разберись. – рявкнул Семён и продолжил. – Ну, мне драться с вами, что ли?

– Дамочка, что вы городите, – несколько гнусаво проговорил Кузякин, – отойдите.

– Представьтесь, – Стефани прекрасно понимала, что ещё несколько секунд и этот здоровый сибиряк просто скинет её с лестницы, но допустить его к девочке она сейчас никак не могла.

– Кузякин Василий Валентинович, полковник, следователь. Так что, видимо, это мне придётся выдвигать против вас обвинение.

Стеф сунула руку в карман и показала мужчинам пластиковую карточку.

– Я внештатный консультант «МАБОРП».

– Чего? – нахмурился Семён.

– Международной ассоциации по борьбе с оккультными и ритуальными преступлениями и я имею все основания полагать, что ваша дочь сейчас участвует в ритуале.

– Вы совсем поехавшая? Она сейчас дома. – рыкнул мужчина.

– Сёма, погоди. – Кузякин нахмурился и, поднявшись следом за товарищем, что-то ему шепнул, после чего отец Эмили несколько секунд в нерешительности постоял, но послушно отступил и стал спускаться.

– Рассказывайте. – нехотя проговорил Кузякин.

Стефани отступила на шаг назад и поманила мужчину за собой, открыла кладовку и включила свет.

– Мать честная. Что это? – медленно стянув вязаную шапочку с головы, проговорил следователь.

– Понимаете, я боюсь, что мы столкнулись с одним из самых жестоких и извращённых придурков. Я просто боюсь в это поверить. Не все преступления афишируются даже в узких кругах. Такое уже происходило в Омской области и в одном из пригородов Новосибирска. То есть в местах, приближённых к болотам. И если это он, то мы не сможем её уберечь.

– Она же здесь. – непонимающе помотал головой Кузякин.

Стеф вздохнула, выключила свет и отступила в коридор.

– Поторопите медиков. Я без них боюсь её трогать, а с неё обязательно нужно снять эту одежду. – Стеф помолчала и добавила. – Это испытание надеждой. Впервые это случилось двадцать лет назад, на его счету три девушки.

– У некоторых бывает больше.

– Да. Три девушки, которые уже никогда не покинут пределы дома для душевнобольных. И человек двести, которые на том свете.

– В смысле? – не понял Кузякин.

– Когда он похитил первую жертву, то нашли её через неделю во дворе собственного дома, так же как Эмили. Она ничего не помнила, но все были рады, что она жива и невредима. Потом она снова исчезла через три дня, и через месяц нашли место, где он справлял с ней свадьбу. – Стеф помолчала. – Этот субъект приглашает многих, на каждом месте свадьбы было примерно по шестьдесят, – Стефани пожалала плечами, – гостей. Я видела фотографии с этих свадеб и это что-то ужасное.

– Я реально вас не понимаю.

– Что непонятного? Он похищает девушек, разыгрывает спектакль со свадьбой и живёт с девушками как с жёнами. Видимо.

– Я не очень понял с гостями. Они-то не могут, что ли, понять, что девушки в розыске и вообще всё против их воли.

– Нет. – она покачала головой. – Он их сначала убивает, а потом сажает за свадебный стол в качестве гостей.

Кузякин отступил на шаг назад, покосился на Стефани и развёл руками.

– Что за бред?

– Можете уточнить у ваших коллег. Я видела дела, смотрела фотографии, я изучала и пыталась помочь, но он вообще не оставляет следов. Точнее, следов более чем достаточно, но все они принадлежат жертвам.

– Но Степан – очень влиятельный человек, я как-то сомневаюсь, что есть желающие с ним связываться. Вы не можете ничего напутать?

– Хотелось бы, – вздохнула Стеф, – но увы.

– А почему вы сказали, что девушки потом в психушке. Их живыми находят?

– Да. Через несколько лет. Первую нашли в палате больницы недалеко от её дома, вторую – в супермаркете со списком продуктов в руках, тоже возле дома. Третью – на скамейке возле детского сада, тоже возле дома. Так, словно он их возвращает домой.

– Слушайте, мы спрятать Эмили можем без проблем. Это даже не обсуждается, ресурсов хватит и будем искать его.

– Третья жертва, когда поняли, что это он её забрал, была под круглосуточной охраной десяти полицейских. Утром третьего дня они все спали, а она благополучно исчезла. Кстати, её нашли всего несколько лет назад. По всей видимости, она родила ему ребёнка, потому что забирал он её девственницей, а вернулась она рожавшей женщиной. – Стефани вздохнула.

На лестнице показался несколько запыхавшийся Николай Иванович, он помахал рукой и проговорил:

– Там медики прилетели. Я Каткиного сына послал встретить.

– Очень хорошо. – Стефани перевела взгляд на Кузякина. – Чтобы уберечь Эмили, у нас есть три дня, и эту ночь мы с вами должны будем дежурить в её палате.

Вскоре мрачный, неприятный дом, игрушечная турбаза и огромные, шевелящиеся удивительной жизнью болота остались далеко внизу, вертолёт взмыл ввысь и понёсся в одну из больниц, где девушке могли бы обеспечить должный уход. Стеф сидела в грохочущем воздушном транспорте и ей казалось, что она катается в какой-то жестяной банке и от стремительного полёта вниз её отделяет лишь несколько сантиметров железного пола. Сегодня в жизнь Стефани ворвалось ещё одно чудовище, она это прекрасно понимала и сейчас дала себе просто передышку, стараясь ни о чём не думать во время полёта, чтобы собраться с силами.

– Василий, нам нужна палата с зарешеченными окнами, охраной перед дверью и желательно стеклянной вставкой, чтобы я видела, кто проходит по коридору. – сказала Стеф, когда они добрались до места.

– Сделаем.

– Я позвоню, – проговорила Стеф, доставая телефон, – не спускайте с неё глаз.

Коммерческое крыло городской больницы, выглядело чуть лучше, чем остальное мрачноватое заведение, смотрящее на город светлыми прожилками окон. Стефани быстро оглядела палату, в которой обычно размещали заключённых и удовлетворённо покивала. – Отлично. Здесь и расположимся.

– Персонал весь проверенный. Все именно те, кого допускаем к арестантам. – главный врач, поднятый по тревоге из тёплой постели молодой любовницы, стоял рядом с ошалевшими глазами и, потирая помятое лицо, смотрел, как быстро и ловко медсёстры берут у Эмили анализы.

– Отлично. – Стеф огляделась. – Мы с товарищем-следователем тоже здесь на ночь остаемся. Мы внутри, а охрана снаружи.

– Не перебор? – покосился на неё Кузякин, потому что явно представил свою голову отдельно от тела, после того как в очередной раз не явится домой ночевать.

– В этом случае недобор. И сегодня будет более-менее спокойно, он обычно даёт три дня, потом забирает обратно.

Вскоре суета возле палаты растворилась в ночной тишине, коридоры перестали гулко оглашаться топанием ног, пациенты наконец смогли спокойно выдохнуть, всё смолкло, и только Стефани и следователь перебрасывались пустыми фразами, борясь со сном после тяжёлого дня.

– Как так получилось, что вы стали сотрудничать с «МАОРП»?

– Меня больше удивляет, что вы про нас слышали. – пожала плечами Стеф.

– Ловили ритуального маньяка, ну как нам казалось ритуального. Наш мэр все связи подтянул, но не сложилось, ваши ребята сразу сказали, не их профиль.

– И что оказалось?

– Секта. Всё было строго заточено под зарабатывание бабок.

– Понятно. А я попала, скажем так, – Стеф помолчала, – случайно. Знаете, бывает человек выбирает сам свой путь, а бывает, что путь выбирает человека. Так случилось и со мной. Я не буду углубляться в подробности, но жертвой изошрённого убийства была моя сестра, я написала книгу, чтобы как-то справиться с болью, отсюда всё и началось.

– Вам не страшно?

– Порой страшно до колик, до истерики, а остановится не могу, пока не доведу до конца. Я моральная калека на всю жизнь, наверное, живу этим. – усмехнулась Стеф. – Ладно, давайте попробуем отдохнуть. Здесь как-то можно зашторить окна? – нахмурилась она.

Мужчина встал, покрутил регулятор скрученных тканевых жалюзи и застыл, глянув на улицу.

– Кто-то пересёк двор больницы. – напряжённо сказал он.

Стефани медленно подошла к нему, посмотрела на пустую парковку и проговорила:

– Мне рассказывали про касаток. Если ты слышишь её, значит, она сканирует жертву, но если ты её увидел, то это последнее, что ты увидел в своей жизни, потому что жертва это ты. Не думаю, что это он, здесь же больница, давайте не будем пугаться каждого шороха. – Стеф поднялась из кресла и встала рядом у окна. – И помните, это ритуал, девушек он забирает на третий день, а сегодня первый.

Глава 3

Ночь в тишине кралась по больничным коридорам, за окнами неистово летала чёрным вороном непогода, ветер невидимой рукой тряс деревья, откусывал ослабевшие листочки и уносил их подальше от родного дома.

Кузякин несколько минут пялился в экран телефона, шлёпал губами невнятные проклятия, потом протяжно вздохнул и посмотрел в сторону дремлющей Стеф.

– Что-то случилось? – отозвалась женщина, разглядывая следователя из-под прикрытых ресниц.

– В лаборатории сказали, что будут долго трудиться над платьем. Там много отпечатков. Даже странно.

– Ничего странного. По этим отпечаткам потом опознают людей, которых он пригласил на свадьбу, если можно так назвать всё это представление. Он будет путать вас в деталях, в результате возникнут многотомные уголовные дела, масса мелочей, бесконечные отпечатки, группы крови, ДНК. Но никаких следов этого человека. Даже у последней девушки не удалось ничего обнаружить, хотя она родила ему ребёнка.

– Мистика какая-то. – Кузякин развёл в стороны большие ладони, хлюпнул длинным носом и проговорил. – А что вообще зацепок никаких?

– Нет. – Стеф покачала головой, взглянула на лежащую девушку и подумала, что ей очень надоело лгать. – Вы не против, я вызвала своего криминалиста?

– А чем наши-то хуже? – несколько ревностно отозвался Василий.

– Опытом в мелочах. Круг дел для ваших криминалистов, – Стефани замаялась, – уместается в основном в ежеквартальных отчётах: бытовые убийства, грабежи, разбой, изнасилования. И этот привычный поток дел создаёт своеобразные шоры, за рамки которых выходить довольно сложно. Я пригласила специалиста, работающего в полевых условиях и специализирующегося именно на таких делах. – Стеф помолчала. – Ну и в конце концов, чтобы научиться работать на сверхточном оборудовании, на котором работает он, тоже нужно время.

На этаже вдруг послышались голоса, торопливые шаги, к палате подошёл лечащий врач, которого обязали здесь присутствовать круглосуточно вместе с несколькими людьми в строгих костюмах и черноволосый мужчина в мятых джинсах и худи болотного цвета. При появлении этой процессии лицо Кузякина слегка дёрнулось, было совершенно понятно, что он узнал мужчину.

– Открывайте. – послышалось требование, обращённое к суетливому врачу с маской отчаянной усталости на лице.

– Да я-то что. Вон внутри люди из полиции сидят, у них все ключи. Они ж там заперлись. Не я. – развёл он руками. – Вы меня полчаса пытали, просили провести... Пожалуйста. – пробормотал он.

– Открывайте. – властным голосом сказал мужчина, теперь глядя на Кузякина.

Василий Валентинович сначала дёрнулся, потом осёкся и поглядел на Стефани, без движения сидевшую в уютном кресле, отнятым у главного врача больницы.

– Стефани, надо бы открыть. – тихо сказал следователь.

Стеф, не двигаясь с места, ещё раз всех внимательно оглядела и негромко спросила:

– Вас слишком много. Зачем столько народу?

– Я её жених. Я только что прилетел. Я хочу видеть её. – мужчина сделал шаг вперёд и потянулся к ручке двери.

– Смотрите. – равнодушно отозвалась Стеф. – Внутри я вас не пущу. Со мной она в безопасности.

– Я не понял. – мужчина зло посмотрел на следователя. – Вы меня не узнали?

– Я не командую парадом. – как бы извиняясь, вполголоса проговорил Кузякин. – Вот. – он слегка кивнул в сторону Стеф.

– Вы с ума сошли? Мне двери ломать? – побелевшими губами спросил человек.

– Кто это? – не отрывая взгляда от незваных гостей, спросила Стеф.

– Это Малышев Илья Станиславович. Он и правда жених Эмили. – несколько нервно отозвался Кузякин, хорошо зная крутой нрав Малышева, его неспособность слышать слово «нет» и тот факт, что большая часть предприятий в городе была его инвестиционными проектами.

Стефани медленно встала, близко подошла к стеклу и, прямо глядя в пылающие гневом угли глаз мужчины, спросила:

– А насколько вы уверены, что он не прошёл мимо вас на улице или в аэропорту и не передал какую-то весточку той, которую он теперь считает своей? – Стеф пожала плечами. – Позапрошлой жертве он ввёл какой-то сложный препарат, а когда к ней приблизился её настоящий жених, реакция запустилась, и у девушки начались необратимые процессы. А знаете почему? Потому что он распылил на его одежду какой-то реагент, предварительно предупредив её в письме, чтобы настоящий жених к ней не приближался, иначе он убьёт её. Его не послушали, и он не смог забрать ту девушку, но она умерла в мучениях. – Стеф помолчала. – Я не пушу вас. Я сама ищу выход из этой комнаты, но пока не нашла.

– И что же делать? – Илья прислонил ладони к стеклу и долго смотрел на Эмили.

– Я думаю. Все думают. – Стеф вздохнула. – Но пока мы ждём. У нас есть время.

– Всё что нужно. Слышите?! Всё что нужно, мне сразу и напрямую. – Илья продиктовал номер своего телефона, круто развернулся и ушёл.

– Во дела. – посетовал Кузякин. – Он и правда тот ещё перец. Был-то такой дрищеватый, потом поджал под себя половину города. Они с отцом Эмили давно по ней сговорились. Летом следующим свадьбу хотели играть.

– Понятно. – задумчиво протянула Стефани. – А сколько ему лет?

– Тридцатник. – Василий Валентинович нахмурился. – Нет, больше. Это в прошлом году гуляли так, что чуть пол-леса фейерверками треклятыми не спалили. А что за реагенты-то такие были? – спросил следователь. – Выяснили?

– Какие реагенты? – не понимая о чём речь, нахмурилась Стеф.

– Ну те, чем девушку ту, покойную уже, обработали.

– А. Да что ж все такие наивные? – вздохнула Стеф. – Не было такого, но срабатывает обычно хорошо. Все сразу вспоминают про супергазы, которыми правительства травят своих шпионов. – улыбнулась она. – Подремлите, а я подежурю. Впереди ещё столько работы.

Ночь кое-как успокоила разбушевавшийся ветер, пригладила растрёпанный сухостой на обочинах дорог и устав успокоилась, завалившись за горизонт в сторону Васюганских болот и освободив дорогу дрожащему студёному рассвету, розовой полосой тянувшегося по краю города.

– Стеф, Стеф, – сквозь ватную пелену тяжёлого сна пробивались беспокойные звуки знакомого голоса, – нет её, нет её. Я проснулся, вы спите, а её нет. Увели. – причитая, следователь тряс за плечо Стефани.

Стефани еле распрямила тело, выдравшись из кокона сна, несколько секунд сидела и, хлопая глазами, смотрела ровно перед собой, пытаясь понять, что ей говорит следователь.

– Как увёл? – глухим голосом отозвалась она. – Куда увёл?

– Её нет нигде. – Кузякин рухнул на стул и, бросив руки, смешно повисшие в свитере словно мулине, бессильно пожал плечами. – Это же кошмар. Вы же сказали, что будете дежурить.

– Странно, сегодня только второй день. Обычно у него всё верно рассчитано. На третий день приходит иллюзия успокоения, притупленное от усталости внимание, а значит, мы пропускаем мелочи.

– Вас не поймёшь. Вы ж про ритуал твердили, а сейчас про расчёт говорите.

– Любой ритуал должен вызывать хоть к какому-то здравому смыслу. Третий день выбран не просто так, так ему проще забирать девушек, чтобы не тратить лишние силы. – вздохнула Стеф. – Ну что ж, будем искать место свадьбы и обязательно нужно найти тех, кто год назад прислал картину. – Стефани взглянула на телефон. – Мой специалист уже прибыл, нас могут доставить обратно на болота?

– Что вот так просто? Что я скажу её родителям? Что вы не пустили никого в эту палату, а теперь говорите, что Эмили у нас забрали и приступаете к расследованию? А здесь кто остаётся? – Кузякин почти кричал на неё.

– Ну а вы-то на что? Начинайте опрос персонала или как там это у вас делается. – Стеф подошла к небольшой раковине, примостившейся в углу палаты, поплескала в лицо холодной водой и, посмотрев на себя в зеркало, произнесла. – Когда нас смогут забрать?

– Вы вот в себе, а? – испуганно произнёс Василий. – Я ж должен что-то папе её сказать. Мы с вами внутри были, плюс охрана снаружи... Он что дух бесплотный?

– Ну, я думаю, сначала вам нужно просмотреть камеры. Зачем утруждать свою голову пустыми измышлениями, когда есть под рукой работающие инструменты? – Стеф подхватила сумку. – Я в аэропорт, встречу специалиста, туда же можете прислать машину.

– Но она же пропала! – чуть ли не истерически взвизгнул следователь.

– Да вы что? – в сердцах гаркнула Стефани. – А я что говорила? Я говорила, что он её заберёт.

– Но она ж здесь была. – Кузякин рубанул ладонью воздух, со всей силы отшиб себе пальцы об подоконник и, тоненько завыв, стал подпрыгивать на одной ноге.

– Как в себя придёте, не забудьте за мной машину прислать.

Стефани вышла из дверей, цепким взглядом оглядела холл и пошла к лестнице, но спустившись на один этаж, краем глаза она уловила движение возле колонн слева. Стефани подняла голову, резко развернулась на лестнице, словно что-то забыв, и молча прошла мимо догнавшего её следователя.

– Вы куда теперь-то? – окликнул он её.

– Я кое-что вспомнила.

Больница располагалась в старом здании, строили его тогда, когда ещё не экономили на метрах и поэтому коридоры и переходы здесь были широкими, свободное пространство возле каждого окна зеленело ухоженными высокими цветами, но вскоре великолепие заканчивалось, и начинался чистый бизнес. Под палаты явно перестраивали залы, потому что здесь, коридорчики растекались частыми уродливыми ручейками современного дизайна, и всё это было абсолютно нелепо. Стефани шла, расслабленно глядела по сторонам, но вот телефон в её руке, тщательно фиксировал всё вокруг, хотя она просто шагала и держала мобильник зажатым в ладони.

– Простите, – Стефани остановила медсестру, – я заблудилась. Где морг?

– Прямо, потом по лестнице вниз, – молодящаяся женщина указала пальцем вперёд, сгибая его по мере предполагаемого движения, – но там сейчас, – она посмотрела на часы, – только санитар. Доктор на обеде. Вас проводить?

– Я не задержу вас?

– Нет. Я сейчас свободна. Санитар у нас новый и вряд ли сможет чем-то помочь. – она отошла на несколько шагов и повернулась к напарнице. – Морг сегодня пользуется успехом. Пожалуй, я проверю в чём дело.

– А что кто-то ещё интересовался моргом? – проговорила Стеф, когда женщина вернулась.

– Простите, что услышали наш внутренний разговор, я не должна была поступать так. Но это внутренняя информация. Следуйте за мной.

- По-моему, морг в больнице это так обычно. – пожала плечами Стефани.
- У нас платное отделение и в принципе здесь нет тяжёлых пациентов, сейчас их вообще немного: нас реконструируют, и мы переезжаем в новое более удобное здание. – она вздохнула. – То что наваяли здесь, даже отдалённо нельзя назвать удобной эргономикой места.
- Попили бюджет? – усмехнулась Стеф.
- Ну да, нашикарили десять палат, остальное – просто мрак какой-то. – коротко усмехнулась женщина. – А зачем вам в морг? У нас вроде никто не умирал.
- Я вместе с полицией. Слышали, наверное, мы пациентку ночью охраняли.
- Ой, слышали, как-то прям сегодня было беспокойно. А она чего же? Померла всё-таки?
- Нет. Я, так сказать, по служебным делам. А кто ещё интересовался моргом?
- Мужик какой-то. Не у меня. У нашей сестры милосердия, – женщина пропустила Стеф вперёд. – Нам помогают монахини. Она мне сказала, что дорогу в морг спрашивал мужчина. – женщина поджала тонкие, сухие губы, аккуратно накрашенные розовым блеском.
- А найти её можно? – Стеф набрала номер. – Василий Валентинович, я на втором этаже, но в другом крыле. Вы нужны мне здесь, желательно в сопровождении полицейских. – Как зовут вас? – обратилась она к женщине.
- Ольга. Ольга Константиновна. – женщина потрясла головой.
- Ольга Константиновна, найдите, пожалуйста, мне эту монахиню.
- Хорошо. Я позвоню в другой корпус, в ожоговое, они обычно там работают, а по утрам к нам приходят. – она помолчала и добавила. – У нас кофе лучше.
- Стефани увидела, как быстрой, подпрыгивающей походкой из бокового коридора вышел Василий Валентинович и начал отчаянно махать, словно, кроме них, здесь была целая толпа.
- Да вижу я вас.
- Что стряслось?
- Несколько часов назад дорóгой в морг интересовался мужчина. Нужны записи с камер, сейчас монахиню, которая показывала дорогу, найдут, я сама её опрошу.
- Быстро тараторя, Стефани добралась до подвального этажа, где медсестра показала нужное направление и, испуганно глянув на большое скопление полицейских, быстро удалилась. В гулкой тишине подвала находиться было неприятно. Здесь, на небольшом освещённом пятнышке, были втиснуты прозекторская, кабинет врача и склад.
- Это лабиринт какой-то, – потревожил сырую тишину Кузякин.
- А кто там ходит у меня? – в одном из ответвлений послышался голос, и к ним навстречу вышел мужчина.
- Вы санитар? – Стефани оглядела здорового детину, вытирающего руки о белейшее полотенце, казавшееся в его руках странным, нездешним предметом.
- Я патологоанатом. Куда вы идёте? – детина наконец заметил полицейских. – Полиция?
- У вас были сегодня посетители? – Стеф подошла к нему ближе.
- Нет. Я никого сегодня не видел, впрочем, я выходил на обед, но санитар не говорил ничего. – он молча махнул рукой, приглашая их за собой. – У нас затишье. А что, для нужд нашей больницы, такой морг не требуется, – чуть ли не с досадой проговорил он. – В этом коммерческом безобразии пациенты выходят на своих двоих, неустоек за смерть никто платить не хочет. Поэтому к нам в основном стекаются на практику студенты. – он облегчённо вздохнул. – Но сейчас каникулы.
- Что, все те коридоры – морг? – Стеф осматривала ответвления от основного коридора, теряющиеся в мерцающем свете.
- Нет, этот подвал тянется под всей больницей. Там везде под каждое отделение всё написано, в основном склады. Хорошо, что переезжаем скоро, а то места много, а толку мало. Там хоть практика будет побольше. К нам и криминальный морг прицепят.

– Очень ценная информация. Найдите своего санитаря, спросите, не видел ли он кого. Хорошо?

– Сейчас найдём. Он здесь недавно, но я думаю ненадолго, ленив сильно. Толик, – доктор разродился неожиданно громким голосом. – Простите, здесь не работают мобильные телефоны. Ладно, я, когда ушёл в лабораторию, поручил ему помыть приёмную. Пошли туда.

Помещение возвращало шаги гулким эхом, они двигались теперь в другую сторону, а доктор вдруг ударился в воспоминания и всё рассказывал о своей практике во Франции.

– Вот здесь. – наконец он толкнул дверь и, проведя по стене рукой, включил свет. – Толя, ты с ума сошёл? – на цинковом столе, на боку, спиной к двери лежал молодой человек.

Стефани не успела перехватить его руку, когда врач дёрнул Толика за плечо и тот безжизненным кулком повалился на поверхность стола.

– Толик? – врач остановился в недоумении.

– Он мёртв? – то ли утверждая, то ли спрашивая, проговорила Стефани.

– Ну не загорает же. – пробормотал мужчина. – Опять нарик, что ли, попался? Ну что за жизнь-то такая.

В дверях показался запыхавшийся Кузякин, выскакивающий наверх, доложить начальству, настойчиво требовавшему в присылаемых сообщениях позвонить.

– Что случилось?

– Санитар мёртв. – вздохнула Стеф. – Как скоро сможете назвать причину смерти?

– Тю, куда, – присвистнул вдруг Кузякин, – так же не делается. Сейчас приедет судмедэксперт. А то простите, этот-то, – Василий Валентинович показал на патологоанатома, – мало того что патологоанатом, а значит, вскрывать может только мирные трупы, но и вполне себе в круг подозреваемых может входить.

– Это с чего это? – взвился мужчина.

Стефани, не дожидаясь конца перепалки, выскользнула из приёмной, встала посреди коридора и огляделась. Ещё вчера идея везти сюда Эмили ей в корне не нравилась, она, конечно, отстояла своё участие и расследование дела по своим правилам, но вот логически объяснить, почему Эмили нельзя везти сюда, не смогла и даже не попыталась. Все и так были на нервах, и одно неверное слово могло сдетонировать напряжённое пространство.

– Это всё какой-то абсурд. – из кабинета вывалился покрывающийся красными пятнами патологоанатом.

– Учить он меня ещё вздумал. – следом появился явно довольный собой Кузякин.

– Василий Валентинович, я поеду в аэропорт, а вы как монахиню найдёте, сразу мне позвоните.

– Да уже всю больницу обыскали, нет нигде. Сейчас в приход звонить будем.

– Ну, может, стоит здесь поискать, – Стефани обвела руками пространство вокруг.

– А чего она здесь забыла? – спросил Кузякин.

– Василий Валентинович, можно вас на минутку? – спросила Стеф и отвела мужчину на несколько шагов. – Вы меня простите, но вчера вы показались почти профессионалом. А сегодня вам что, утреннее событие на голову надавило?

– Это в каком смысле? – не понял следователь.

– Может, убили её тоже? – прямо спросила Стеф. – Давайте ещё подвал обыщем и тогда уже сделаем вывод, что в здании её нет.

Кузякин несколько секунд смотрел на Стефани, но у неё складывалось чёткое впечатление, что он её не видит. Потом мужчина вернулся в реальность, оглядел свою скучающую свиту и спросил у доктора:

– Сколько тел сейчас в морге?

– С этим, – неприязненно буркнул врач, кивая назад в сторону кабинета, – пять.

– Мужчины, женщины, дети?

– Двое мужчин далеко за восемьдесят, одна девочка-подросток и дохлая кошка, я её вчера нашёл на складе.

– Простите, а как понять монахиня или нет? – проговорил один из полицейских, собравшихся за спиной у Кузякина.

– Монахини в чём ходят в вашей больнице? – спросила Стеф у стоящего в углу врача.

– В серых платьях и в апостольнике...

– Простите, а что такое апостольник? – снова спросил молодой человек.

– Платок такой с прорезью для лица, – Стефания подняла глаза на молодого лейтенанта, – парень, поверь, ты монахиню, ни с кем не спутаешь.

– Вы уверены, что мы кого-то найдём? – спросил старший из полицейских.

– Нет. Но я уверена в том, что следует искать. – устало проговорила Стеф.

– Так, мужики, ну сопли-то подберите и бодро пошли. Сейчас опера наши ещё подтянутся. В центральном клубе перестрелка была, мои ребята там заканчивают сейчас.

Пропустив эту информацию мимо ушей, Стефания глянула на часы и уже хотела идти к выходу, но Кузякин посмотрел на неё и спросил:

– А за что их убивать?

– Ну, видели они его. Описать могут.

– А зачем он рожу свою афишировал, если весь такой неуловимый? – покривлялся Кузякин.

– Не знаю. Но он первый раз отошёл от плана, он никогда, ни с кем не говорил на местах похищения. – Стеф пожала плечами. – Только бы найти монахиню. И она, и санитар были живы после разговора с ним.

Наверху лестницы послышались шаги, Стефания и Кузякин посмотрели вверх и увидели, что к ним быстро спускается молодой высокий парень в короткой чёрной кожаной куртке.

– Господи, думал, не доживу. Это Митя. – Кузякин потыкал пальцем.

– И? – спросила Стеф.

– Дима, наш начальник оперчасти и это его задача ноги по самые интересные места стапывать и по ночам охранять кого-нибудь. Он своё дело хорошо знает. Митя, ты выяснил что-нибудь? – продребезжал Кузякин.

– Не очень много. Сначала пытались выяснить, как давно её не видели. – Дима оценивающе глянул на Стеф. – Дмитрий Ковров.

– Здравствуйте. Вы что-нибудь узнали? Монахиню кто-нибудь видел? – Стефания ещё раз глянула на часы и покачала головой. – Я очень опаздываю. Давайте я вернусь с криминалистом, вдруг что-то уже будет понятно.

– Может быть, вашего специалиста кто-нибудь из наших встретит? – оперативник развёл руками. – А то вы тут вроде как центр Вселенной. Меня Кирилл убедительно попросил сопровождать вас везде. – мужчина внимательно посмотрел на Стеф.

– Ну, хорошо. Кому перекинуть информацию по рейсу?

– Давайте мне, – сказал Дима, диктуя номер телефона, – дальше я разберусь.

– Ладно, – хлопнул ладошами Кузякин, – поеду я, пожалуй. У меня тоже дел, – он чиркнул над головой ладонью, – вагон. Но это в приоритете и на контроле.

Когда Кузякин скрылся из вида, Стефания пожала плечами и проговорила:

– Поначалу казался адекватным.

– Запал уже не тот, точнее, завод быстро заканчивается, – Дима вздохнул и потёр рукой подбородок, – самый лучший следователь, – Дима помолчал и добавил, – был. Но уважение за ним осталось. Они три друга были: Кирилл, Семён и Василий.

– Давайте, воспоминания отложим на потом. – проговорила Стефания.

Вдруг из крайнего прохода показался молоденький полицейский, не так давно интересовавшийся, что такое апостольник.

- Похоже, мы нашли её.
- Жива? – напряжённо спросила Стефани.
- Нет. Мне кажется, её задушили.
- Проводите меня туда. – со вздохом сказала женщина.

Стефани пошла за молодым человеком, всё дальше погружаясь в густую тишину, хранимую подземельем. В воздухе висел запах сырости и пыли, крошащийся кирпич пугал тем, что вот-вот обвалится, и вся махина больничного здания просто похоронит незваных посетителей под своими обломками.

- Именно вы нашли её? – спросила она у молодого человека.
- Тот покивал, продолжая движение.
- Дмитрий, вы идёте? – крикнула Стеф назад.
- Да, мы догоняем вас.

И тут же эхом, тихим эхом, от стены словно отделились слова, произнесённые кем-то невидимым: «Где моя невеста?».

– Стоп. – Стеф судорожно схватила за плечо идущего впереди молодого человека. – Что это? Вы слышали? Дима, идите сюда. – позади них в дополнение к тусклому освещению лампочек заметался луч фонарика по стенам, шаря по неровной поверхности каменных сводов. – Откуда шёл голос? Вы слышали? – сдавленно спросила она у молодого человека.

– Да. – тот нервно заправил волосы за ухо. – Слышал. Здесь и так жутко, – снизив голос, сказал он, – но здесь, же нет дверей, а голос прямо над ухом был.

– Где тело?

– Я нашёл её в конце коридора, она прямо к стенке прислонена. – нервно сглотнул молодой человек.

– Срочно оцепить здание больницы, – буркнул в рацию подоспевший начальник оперчасти, – чтобы никто не мог выйти.

– Далеко до тела ещё?

– Да вот же оно.

Монахиня была прислонена к стене, раскрытые ладони лежали у неё на коленях, и посредине одной из ладоней возвышалась горка из белого рассыпчатого вещества.

– Мне нужно взять это на анализ. – Стеф указала на вещество. – Нужно больше света, чтобы сделать подробные фотографии места и тела.

– Мать честная. – в коридоре позади них вдруг послышался возглас Кузякина. – А я вот товарища вашего, которого наши привезли, встретил и решил лично до места сопроводить. Ну, проходите, проходите. – подвинулся Кузякин, пропуская криминалиста. – Всё-таки мёртвая?

– Валентинович, не переживай, я уже Наташу вызвал, она всю опись сделает. – хлопая по плечу Кузякина, сказал Дима и протянул руку криминалисту. – Добро пожаловать. Дмитрий Ковров.

– Мамыкин. – буркнул криминалист и, зло зыркнув на Стеф, подошёл к монахине. – Ну кто руки-то свои тянул сюда уже? – поджав губы, спросил он.

– Прости, я думала, ты дольше будешь добираться. Попросила насыпать в пакет для анализа.

– Надеюсь, пакет вы взяли из-под рыбы, – рявкнул Мамыкин, – раз уж всё делаете через одно место.

– Прости. – тихо сказала она. – Просто без тебя никак.

– Да понял я. Не мешайтесь мне здесь, а.

Стеф подняла руки и отошла на несколько шагов.

– Спички есть? – вдруг спросила она у Коврова.

– Зажигалка пойдёт?

– Даже ещё лучше.

Дима вытащил из кармана розовую зажигалку, а Стеф, взяв её из рук, несколько раз чиркнула колёсиком и когда пламя стало ровным, подошла к тому месту, где они услышали голос. Здесь горение резко изменилось, и огонёк стал клониться к стене вправо.

– Так, значит, там есть отверстие. – Стеф покрутила головой, – как бы отметить эту стену?

– В смысле? – не понял Дима.

– Это место нужно отметить, чтобы не потерять. И я должна выйти куда-то, где ловит связь, чтобы посмотреть план здания.

– А. Сейчас сделаем. Лёха, иди сюда, – по рации сказал оперативник, – стой здесь, – он поставил его ровно возле отверстия в стене. Всё, поместили, куда идём?

– Оригинально. – отметила Стеф. – Нужно подняться на первый этаж, там связь была.

– Провожу?

– Ну если вы здесь не нужны. – Стеф пожала плечами и обернулась на Мамыкина, ползающего по полу вокруг тела. – Я скоро вернусь. У тебя всё хорошо?

– Офигительно. – взорвался тот. – Это же моя любимая поза, упор колени-локти.

Стеф легонько улыбнулась и пошла по коридору прочь.

– Чего он у вас такой нервный? – спросил Дима.

– Характер такой. Зато спец от бога. Мы около года назад вместе над одним делом работали, а потом, когда закончили, они с судмедэкспертом организовали своё криминалистическое бюро и независимую патлабораторию. Не волнуйтесь, допуски у него все есть.

– А я не волнуюсь. – Дима мягко улыбнулся. – Можем на ты?

– Конечно.

– Так что мы ищем?

– Мне нужен ноутбук или притенённое помещение с гладкой стеной. – сказала Стеф.

– Момент.

Дима удалился по коридору, а Стеф, опустившись на подоконник, осмотрелась вокруг. Первые дни на местах, где находились жертвы, самые тяжёлые: новые люди, информация льётся со всех сторон и важно ничего не упустить. В такие дни она практически переставала спать, мало ела и всё время думала, до перегрева, до того, что ей казалось, будто изнутри голова уже полыхает и покрывается тонкой корочкой пепла.

– Ноута нет, но сказали, что можно воспользоваться конференц-залом. – Дима неслышно подошёл со стороны коридора.

– Пошли. – сказала Стеф и слезла с подоконника.

Большое прямоугольное помещение дышало затхлой прохладой, старые потёртые кресла, собранные вокруг большого и явно нового овального стола, стояли невпопад, словно помещение совсем недавно опустело и здесь ещё не успели навести порядок. Даже грифельная доска была испещрена записями и графиками.

– То что нужно. – сказала Стеф и, быстро стерев с доски остатки мела, поколдовала над клавиатурой телефона.

К огромному изумлению оперативника, на доске сразу же возникли чёткие линии плана больницы, сменяющие друг друга, когда Стеф касалась экрана мобильного. Вскоре девушка остановилась и, найдя нужный объект, увеличила его.

– Техника, однако. – присвистнул опер.

– Смотри. – Стеф подхватила столбик мела и обвела место, где сейчас был морг. – Вот по этому проходу мы шли. Здесь тупик, значит, где-то здесь стоит, – она улыбнулась, – наша живая метка. Так?

– И?

– И, – она провела чёткую белую линию и поставила жирную точку за пределами здания, – вот где-то здесь можно поискать его следы. Скорее всего, здесь проходят дренажные трубы. – достав второй телефон, Стеф запечатлела странный план, потом наложила изображе-

ние на внешние объекты и теперь стало более-менее понятно, где определить область работы для Мамыкина.

На улице было несколько ветрено, суховей шнырял по внутреннему двору больницы, гремел сваленными в углу железьями, раскачивал всё ещё зажжённый, несмотря на светлый день, фонарь, поднимался к небу, раздувая паруса туч, и гнал небесную регату куда-то за горизонт.

Стеф обошла место, наклонилась и, найдя небольшое, круглое отверстие в стене, вдруг сказала:

– Ребята, Мамыкина, если он закончил, проводите во внутренний двор больницы.

– Не понял, – странно прищурился оперативник, внимательно наблюдая за действиями девушки.

– Ну если тебе сейчас заикаясь позвонит кто-нибудь из подчинённых, значит всё сработало. – улыбнулась Стеф, и в конце её реплики и правда зазвонил телефон оперативника.

Дима поставил телефон на громкую связь и нажал на кнопку ответа.

– П-прости, Дима, – немного дрожащим голосом проговорил один из оставленных с Мамыкиным сотрудников. – Я чего-то не очень понял, но там голос из стены был.

– Сработало. – усмехнулся Дима. – Ладно, если криминалист закончил, то сворачивайтесь. Тело можно увозить.

– Слушай, тут постовой у стены истерит и орёт, что ни за что не останется здесь один.

– Нормально, можешь отпустить его. – Дима покачал головой и посмотрел на Стеф. – Запугали вы мне бравых полицейских.

– Это не я, а архитекторы прошлого века.

– Почему тогда не слышно, что внутри делается? – спросил опер.

– Я думаю, что слышно, и кто-то явно знал это место. Короче, есть у меня мысли.

Стеф повернулась к бредущему вялой походкой Мамыкину и помахала ему рукой.

– То есть ты думаешь, я бы не разглядел вас в пустом дворе? – буркнул криминалист. – Что ещё? – без предисловий спросил недовольный Мамыкин, которого в спешке вытащили из подвалов больницы.

– Ты там закончил? – Стеф стояла примерно в том месте, где мог находиться подозреваемый, пытаясь напугать их через трубы для оттока грунтовых вод.

– Нет, на десерт себе ещё работы оставил. Закончил. – буркнул криминалист.

Стеф по воздуху обвела рукой область крошащейся кирпичной стены и отошла на несколько шагов.

– Вот где-то здесь, человек мог стоять и говорить.

Мамыкин нехотя взглянул на нижнюю часть фасада, на кусок еле выживающего здесь газона и кивнул Диме:

– Ботинки когда испачкали?

– Что? – не понял оперативник.

– Ох, – тяжело вздохнул Мамыкин, – повернитесь.

Быстро присев, криминалист провёл пальцами по высокому протектору обуви мужчины, растёр грязь по светлому полотну перчаток и, отряхнув пальцы, произнёс:

– Сейчас сухо, но ночью немного крапал дождь, так что земля относительно сырая, но недостаточно. Почва здесь совсем бедная, так что форму долго бы не держала, если бы не была влажной. Вот здесь вроде как углубление и трава сбита, значит, не так давно кто-то стоял. Сейчас слепок сделаю, но мне кажется, что это след от носка ботинка. – прогнусавил Мамыкин. – Про размер обуви говорить рано, да и по отпечатку носка от ботинка ничего сейчас не скажу. Но, посмотрите сюда, – Мамыкин показал на газон, где трава вперемешку с грязью буро-зелёной полосой тянулась вниз. – Судя по тому, что трава прилизана в эту сторону, человек поставил ногу ближе к стене, но, когда наклонялся, ему стало неудобно, и он инстинктивно ногу

переставил вниз. Этот отпечаток он затёр. – на земле и правда были следы, как будто в этом месте её выровняли. – Но не заметил, что оставил ещё один след. Я это говорю к тому, что скорее всего человек был высоким.

– Неплохо. – покачал головой оперативник.

– Неплохо? – скривился Мамыкин. – Великолепно. И вот вы, можете не нависать надо мной? Отойдите чуть, а то будто места больше нет. – проворчал он. – Стеф, а с вас ужин. И не в столовке больницы, иначе я там намеренно отравлюсь.

– Непременно. – Стеф подхватила Диму под локоть и потянула за собой. – Не будем мешать. Забронируйте нам какой-то столик в хорошем месте. Нужно и правда всем выдохнуть, впереди у нас много тяжёлой работы.

– Да что-то рано выдыхать. Мне Кирилл звонил, он пока ещё не отважился сказать её отцу, что Эмили украли.

– Разберёмся. – Стеф похлопала молодого человека по плечу, натянула перчатки, поёжилась, закутываясь поглубже в большой серый шарф, и проговорила. – Холодно у вас здесь. Долго ещё? – крикнула она Мамыкину.

– Быстро только кошки родятся. – язвительно ответил криминалист. – Закончил.

– Тогда поехали греться и ужинать.

Небольшой камерный ресторанчик на окраине встретил уставших гостей теплом большого камина, улыбочивыми официантками и целой вереницей изысков, заточенных под местную исконную кулинарию: закрученные в розы хвосты селёдок, зажаренные до золотистой корочки маленькие рыбёшки, фрикадельки из щуки, топленое масло с укропным духом, несколько тарелок похлёбки.

– Какое великолепие. – Стеф потянула носом ароматный запах.

А желудок Мамыкина отозвался густым и мучительным урчанием.

– А долго ещё кукинг-шоу будет? – мрачно спросил криминалист. – Есть охота.

– Какое шоу? – не понял Денис.

– Ну это, – Мамыкин потыкал пальцем в сменяющих друг друга официантов.

– Ребята, хватит пока. Чего-нибудь согревающего принесите. – попросил Дима и продуктовая лавина сразу же стихла, а взамен на столе появились запотевшие бутылки. – Пацаны, ну голову-то включайте. На работе мы. Мне пива. Стеф что вам?

– Виски.

– Мне морса, только тёплого. Потом коньяка пятьдесят. – буркнул Мамыкин.

Ресторан к вечеру быстро наполнялся людьми, вскоре все столики были заполнены, музыка из динамиков полилась чуть громче, и Стефани, не любившая громких сборищ, глянула на оперативника.

– Наверное, пора спать. Завтра тяжёлый день.

– Не вопрос. Сейчас вызову машину.

– Ну что я могу завтра домой уже ехать? – подчищая хлебом соус с тарелки, спросил Мамыкин.

– Ну что ты, – улыбнулась Стеф, – завтра начинается всё самое интересное, завтра рано утром мы едем на болота.

– Куда? – Мамыкин нервно сглотнул и уставился на девушку.

– На болота.

Криминалист тяжело вздохнул, подхватил свой чемоданчик и пошёл на выход.

– Ты куда?

– За репеллентами. Я слышал там комары размером с птеродактилей.

Стефани улыбнулась, допила остатки терпкого напитка и посмотрела на Коврова.

– Я бы хотела завтра максимально большее расстояние проехать по воде. От какой-нибудь самой дальней точки, где мы можем погрузиться, и до места базы. Это возможно?

- Конечно. Только тогда выезжать нужно в ночь, чтобы к утру на месте быть.
- Тогда ждём Мамыкина и в путь.

Глава 4

Следующий рассвет они встречали уже на небольшой яхте, уверенно шедшей посередине полноводной реки. За штурвалом стоял молодой плечистый паренёк с одутловатым лицом, с которого не сходила улыбка, где-то в моторном отсеке копался Николай Иванович, ещё с вечера пригнавший катер в одну из деревень, куда Стеф, Мамыкина и Коврова привезли на машине. Судно остриём килля резало гладь воды, взбивало белые гребешки на верхушках зеленоватых волн, и оставляло после себя широкий след. Стеф сразу после отплытия ушла в сторону кормы и просто наблюдала за проплывающими пейзажами, смотрела в толщу побеспокоенного водоёма, изредка поглядывала на небо и снова уходила в свои мысли.

– Не побеспокою? – спросил подошедший Дима.

– Нет. – покачала головой Стефани.

– А как же санитар и монахиня из больницы? Получается, они погибли из-за того, что увидели его? – спросил опер.

– Насколько я поняла, судмедэксперт назвал причиной смерти санитара острую сердечную недостаточность, а монахиня переусердствовала с запрещёнными препаратами. – развела руками Стеф.

– Ну она ж монахиня. – недоверчиво покосился на неё оперативник.

– Но человек же, а не дух нетленный. Я посмотрела её послужной список до прихода в епархию. К сожалению, она бывший медик, пристрастившийся к наркотикам. Фактически не нужно было допускать её в помощь на территорию больницы.

– То есть то, что он с ними говорил, это всего лишь совпадение? – мужчина покосился на неё.

– Не знаю. Давай разбираться во всём поэтапно. Я вообще не очень люблю делать какие-либо неподтверждённые заявления. – спокойно ответила Стефани. – Следственные действия вы провели в полном объёме, криминалист на месте был один из лучших, поэтому дальше мы можем спокойно работать. Вы в части следственной линии, я, – Стеф помолчала, – в своей части.

– Я Кузякину всё отправил. Он следователь, вот он пусть за бумажками и сидит. – усмехнулся Дмитрий.

Катер чуть замедлил движение, рулевой стал поворачивать штурвал, и Стефани увидела, как из подсобки высунулся Николай Иванович.

– К болотам подходим! – громко сказал мужчина. – Сначала куда?

– В первую очередь на то место, куда Эмили фотографироваться ездила, потом на базу. – отозвалась Стеф.

Николай Иванович покивал, убедился, что стоящий за штурвалом сын горничной Петя тоже расслышал просьбу Стефани и вернулся в моторный отсек. Белобрысый мальчишка знающим движением чуть прибавил скорость и, расплываясь в улыбке, смотрел вдаль, бормотал что-то мелодичное и аккуратно выводил катер подальше от опасных местных рифов.

Стефани, оглядев широко раскинувшуюся водную гладь, обернулась к Коврову.

– Совсем мальчишка, – кивнула она на Петю, – а как с катером управляется.

– Так ему уже, – Дмитрий задумался, – лет двадцать пять, вроде. Он малость того, – оперативник постучал себя пальцем по лбу, – но живёт с матерью на базе, если нужно, он и дрова колет, и моет, и чистит... Так-то сила есть, а вот ума мало.

– Жалко. Симпатичный паренёк, – задумчиво сказала Стеф, – а к Эмили он как относился?

– Никак. У него жена такая ревнивая, что он лишний раз старается по сторонам не смотреть. Она его лупит чем попадя. – рассмеялся Дима.

– Он женат? – удивилась Стеф.

– Ну, тётя Катя баба с головой, она ж прекрасно понимает, что сынуля – мужик рослый и взрослый, а без нормальной жизни и с отсутствием мозговой деятельности, он тут всем бы устроил. Она его к знакомой своей пристроила, у той муж уехал и бросил одну с ребёнком. Она в деревне живёт, Петя к ней иногда катается, по дому помогает, огород копает, да и она на базу приезжает раза три в неделю, помогает генеральную уборку делать, за скотиной ухаживает. Баба она красивая, только больно рука тяжёлая.

– Понятно. – усмехнулась Стефани. – Мудрая женщина, ваша тётя Катя.

– Ну да. – вздохнул Дима.

Стефани немного помолчала, глянула на притихшего Мамыкина, сидевшего с угрюмым видом, и показала в сторону приближающегося куска суши.

– Её мать сказала, что они туда на велосипедах ездили? Как это возможно?

– Скорее всего, на катере доехали до берега, покатались и обратно. Где здесь ездить-то?! – пожал плечами Дмитрий.

– Вы уже беседовали с молодым человеком, с которым она уехала? – переходя на нос катера, спросила Стеф.

– Ну да. – неуверенно ответил Ковров.

– В чём сложность? – Стеф остановилась и цепко впилась взглядом в лицо опера.

Ковров поморщился, покачал головой и, явно подбирая слова, ответил, нервно почёсывая затылок:

– Ну мужики чутка переборщили, когда его требовали. Он чуть-чуть в больничке.

– Они дебилы? – прямо спросила Стеф после некоторой паузы.

– Да. – просто ответил Дима и спешно продолжил, словно оправдываясь. – Просто папаша её такой кипиш навёл, что все готовы были осушить близлежащие болота, чтобы найти девочку.

– Ну то есть все поддались нервному порыву, все вместе посиховали, сделали огромное количество суетливой и бесполезной работы, а потом сели и стали думать что же делать. Так?

– Ну в общих чертах. – протянул Ковров.

– Понятно. – сухо обронила Стефани и встала на носу катера, взявшись за поручни. – Как тебе здесь? – Стеф перевела взгляд на приунывшего Мамыкина, сидевшего на лавочке и полностью закутанного в плед.

– Отвратительно. – вымученно уставившись на неё, проскрипел криминалист. – Я вот на фиг здесь нужен?

– Какой же ты всё-таки нытик. – улыбнулась Стефани. – Кофе хочешь?

– Мечтаю. – дёрнув верхней губой, отозвался Мамыкин.

Достав из стоявшего поблизости рюкзака большой термос, Стеф открыла пробку, выудила стаканчики и в холодном, уже пропахшем осенью воздухе густо повис аромат кофе, сладость ванили и ещё что-то терпкое, малопонятное, но приятно будоражащее промёрзшее нутро.

– Держи.

– Не, ну так ещё ничего, – дую в чашку, проговорил Мамыкин, – кофе с коньяком поутру – прямо райское наслаждение.

– Дима? – Стеф огляделась в поисках опера, но взгляд её зацепился за пролесок, торчавший на одном из островков. – А что там? – спросила она у подошедшего Николая Ивановича.

– Ну так сюда и идём. Вы ж просили, куда девица ездила. Сейчас вернусь, – прислушиваясь к двигателю, мужчина снова убежал в подсобку.

Катер снизил скорость, чиркнул бортом по сухостоя торчавшей травы и пошёл по самой кромке, отделявшей большую воду от топи. Васюганское болото сразу начало показывать свои личины, вставало тучами кровососов, чернившими пространство, кричало резкими голосами уток, слетавших с насиженных мест, скреблось по дну судна осевшими на дно ветками.

– Петя, – с громким криком вылетел из крохотной подсобки Николай Иванович, – ну ты и дурак, чтобы у тебя руки отсохли. Сколько раз говорено, не жмись к береговой части, дно проколем, все утопнем.

– Так сами сказали, вдоль болот идти. – тонким голосом отозвался Петя, стоявший на месте рулевого.

– Вдоль это не по нему переть. – зло плюнул мужчина и перевёл взгляд на Стеф. – Ну, смотрите, – развёл он руками, – всё одно везде: вода.

– Ну вам должно быть лучше меня известно, что в болотах вода мёртвая, в реке живая, а на стыке и вовсе чудотворная. – улыбнулась Стеф.

– Да-да, а ещё у нас кикиморы по ночам здесь пляшут и из жаб шашлыки делают. – фыркнул Николай Иванович и снова исчез.

Стеф кинула взгляд на воду, потом сделала шаг к открытой двери, где скрылся их провожатый и громко спросила:

– На этом катере Эмили ездила тогда на болота?

– Нет. Тот сейчас в починке. – послышался глухой голос Николая Ивановича. – Без меня на берег не сходите и натритесь мазями против комаров и гнуса, а не то сожрут заживо.

– Хорошо. – ухмыльнувшись отозвалась Стеф.

Притерев борт катера как можно ближе к поросшему мелкой травой и выстланному мхом берегу, Петя выскочил из рубки, ловко скользя ладонями по поручням, проскочил лесенку и, натянув стоявшие у борта болотники, перемахнул через край катера, задержавшись на привинченных к боку шинах.

– Петька, не дури, – сурово сказал Николай Иванович, – не допрыгнешь, опять тебя потом лови в воде.

– Дядька, я же почти у берега, – весело выкрикнул мужчина, навечно застрявший в отрочестве, и большим шагом спрыгнул на топкий пружинящий берег.

– Всю жизнь на воде живёт, а плавает, как топливный котёнок, – произнёс мужчина и, потирая спину, пошёл вверх по лестнице, чтобы как следует выправить катер и пристать к клочку суши.

Петька, не допрыгнув совсем чуть-чуть, ушёл по пояс в воду, завизжал на высоких нотах, шумно выбираясь из холодной воды и достигнув берега, погрозил кому-то, целясь кулаком в прозрачную гладь.

– Ну ничего так, – щёлкнул языком подошедший Мамыкин, – напитки и культурная программа впечатляют. На уровне.

– Ты пойдёшь? – спросила Стеф.

– Вот если там для меня работа будет, то пойду. Мне будет мерзко, тяжело, я точно подхвачу какую-нибудь болотную болячку, но я пойду. А если во мне надобности нет, то я, пожалуй, уединюсь с термосом на палубе. Это хотя бы не так гадко, как всё остальное.

– Дима, вы со мной? – крикнула Стеф задумчивому Коврову.

– Да-да. Иду. – мужчина вернулся из своих мыслей и подошёл ближе. – Николай Ваныч, а что, баню развести можно будет? Я продрог до последней кости.

– Здесь? – зло спросил мужчина.

– Не. Когда приедем.

– Где дрова знаешь, – сурово сказал провожатый, – хочешь, разводи. А так в каждом домике сауна есть, включил кнопочку и иди парься не хочу.

– Не, какой это пар, с электричества. Нашу, сибирскую, на дровах.

– Иди, руби, топи. Мне пока хозяин не скажет, я со стула не встану. – ворчливо заметил Николай Иванович, но почти сразу добавил. – Но смотри, сразу и кошки не родятся, пока приедем, пока то да сё, только к вечеру жар наберёт. Быстрее не успею.

– Спасибо, Николай Иванович, ты прям отец родной.

– Да не дай тебе, такого сына вырастить. – сплюнул мужчина и заглушил двигатель.

Спрыгнув на берег, Дима протянул руки, посмотрел вверх, где над бортом свесилась Стеф, пытаясь перелезть через поручни, и крикнул:

– А что, вот нельзя было другим боком причалить, где сход есть?

– Можно, но я не семирукий восьми...этот, – Николай Иванович осёкся и сделал большие глаза, – я, Дима, не могу за всем следить, а на посудине двигатель что-то фыркал, не дай тебе, застряли бы.

– У вас вроде и вертолёт есть, а катера, смотрю, ломаются один за одним. – проговорила Стеф.

– Так для хозяев другие катера, это нашенские, для обслуги. – почесал бровь провожатый.

Кое-как спустившись с помощью оперативника, Стефани аккуратно попрыгала на земле, но, ощутив твёрдую поверхность, пожала плечами:

– А мне говорили, что здесь ходишь как по перинному матрасу.

– Не, здесь ещё ничего, но таких-то тоже мест полно. Куда идём? – спросил Дима.

– Ну вон тропинка какая-то. – кивнула Стефани на еле заметную дорожку, катившуюся в редкий частокол деревьев. – Куда Эмили обычно ездила? Я, как понимаю, она здесь не первый раз была?

– Да как приезжала, сюда и просилась, – из-за кустов появился Петя, отжимающий мокрую одежду подальше от большого количества зрителей, – ну, по тропке туда. Мне и Николаю Иванычу никогда не говорила за ней ходить. Она либо одна туда ехала, либо с друзьями.

– А без неё не интересовался?

– Это что значит? – чуть отвесив нижнюю губу, проговорил Петя.

– Ну, не интересно тебе было сюда приплыть, когда Эмили уезжала в город? Посмотреть, что да как? – спросила Стеф.

– Тётъ, вы чего? Кто ж меня одного-то отпустит? – рассмеялся Петя.

– Ну вот я и перешла в разряд «тётъ». – вслед за ним рассмеялась Стеф. – Идём. – кивнула она Диме и пошла вперёд, разглядывая тропинку, путающуюся в редкой, прибитой рыжиной осени траве.

На первый взгляд редкий лес вскоре полностью втянул непрошенных гостей в свои костлявые объятия и сопровождал их, стуча голыми обросшими мхом ветвями, постепенно закрывая обзор за их спинами.

– С берега казалось, что видно всё как на ладони. – тихо проговорила Стеф.

– Ну такое здесь местечко, не сильно приятное. – поёжился Дима.

– Всё зависит от той эмоциональной окраски, какую мы даём тому или иному месту. Вот назови его местом силы, и островок заиграет совсем по-другому. – Стефани остановилась. – Тропинка, как я понимаю, заканчивается здесь.

– Ну вроде да. – Дима потоптался по жухлой траве. – И чего они здесь искали?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.